

Т. СУДОРГИНА

КОЛОКОЛА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ»
2003

**Издано по благословению архиепископа
Оренбургского и Бузулукского Валентина**

Автор благодарит сотрудников областной научной библиотеки им. Крупской Н.И. Волобуеву, В.М. Капустину, Т.Н. Савинову за помощь в подборе иллюстраций, краеведа Е.Г.Вертоусову за литературу по избранной теме. Особая благодарность начальнику архивного отдела администрации области А.А. Гезима за всестороннюю поддержку.

Издательство выражает благодарность
В.М.Казакову

Новая краеведческая работа оренбургского архивиста Татьяны Судоргиной, предлагаемая попечителями серии «Оренбургская православная библиотека» посвящена колоколам, украшавшим храмы Оренбургской Епархии. Много внимания уделено раскрытию значения колокольного звона в жизни оренбуржцев.

За каждой строкой - долгие поиски в фондах оренбургского облархива, документы которого являясь основным источником исследования, публикуются в большинстве своем впервые.

Ряд фотографий предоставил К.Л.Урбанович

© Т.Судоргина

© Издательство «Оренбургская губерния»

Судьбы колоколов - людям на зависть. Их тела не ветшают с возрастом, серебряные голоса не стареют с годами, а жизнь исчисляется столетиями. Смерть не страшна им - даже распавшись на куски, они вновь воскрепают в огне плавильной печи.

Крещенный, освященный колокол всегда казался верующим живым существом. Церковнослужители надеялись его именем, народная молва - характером и судьбой. Верили и в то, что он способен творить великие чудеса: уберечь от эпидемии, прекратить засуху и голод, оградить от грабежа. Он получал за свое чудотворство немало: пожертвования знаменитым колоколам делали их первейшими богачами, а кому многое дано, с того много и спросится. Наказания «согрешившим» колоколам назначались весьма строгие и притом самые, что ни на есть, человеческие. Колокола приговаривали к заточению: так в 1681 году набатный колокол Кремля был заключен в Никольско-Карельский монастырь за то, что своим звоном нарушил сон царя Федора Алексеевича. Колоколам отрубали уши, колокола ссылали: такой каре подвергся в 1591 году угличский колокол, сообщивший народу о гибели царевича Димитрия. Из тобольской ссылки он вернулся лишь три века спустя, в 1892 году. Тот же набатный колокол Кремля в 1711 году по указу Екатерины II был снят с занимаемого поста и лишен языка за то, что призвал народ к бунту.

Поют над Оренбуржьем колокола вновь открывшихся церквей, расписывая орнаментом звона сложные дни в истории государства российского на рубеже XX и XXI веков. Их жизнь только начинается, а в истории колоколов, украшавших оренбургские храмы с незапамятных времен бывало всякое... И об этом наш рассказ.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОЛОКОЛА

Речь пойдет о колоколах, церковных колоколах.

Для начала справка из энциклопедических изданий. Правда, в них обнаруживаются разночтения, но все же:

Колокол из Геркуланума. I в. н.э.

«Первые церковные колокола в христианской церкви появляются в VIII веке. Колокольный звон в христианстве - ритуальное оповещение верующих о церковной службе. Колокольному звону верующими приписывается также магическая способность отгонять «нечистую силу», болезни, «сокрушать молнии», т.е. прекращать стихийные бедствия. Первые собственного литья церковные колокола на Руси стали изготавливаться во второй половине XIII века в Киеве».

Энциклопедический словарь «Христианство», изданный в 1993 году, содержит очень любопытные сведения о колоколах: «Употребление колоколов или аналогичных приспособлений для звона при общественных и религиозных церемониях встречается у многих народов древности. При ассирийских раскопках найдены бронзовые колокола; египтяне употребляли при религиозных процессиях звенящий ударный инструмент сistr, евреи - кимвалы и тимпаны; верхняя одежда еврейского первосвященника была увешана колокольчиками. Римляне возвещали легким колокольчиком начало публичных собраний. Христиане эпохи гонений избегали сильно звучащих инструментов при своем богослужении, и даже с торжеством христианства церковь не сразу начала пользоваться колоколами. В эпоху Константина Великого верных сзывали в храм ударами молотка в било (деревянная доска) и клепало (железная полоса), несколько позже - звуками труб. Латинское название колокола - кампана появляется не ранее IV века. Легенда

связывает начало употребления колоколов в христианской церкви с епископом Нолы (где впоследствии был центр производства небольших колоколов), священником Павлином, которому эту идею внушил будто бы вид полевого колокольчика. В Италии колокола появляются впервые, по-видимому, только при папе Сабиниане, около 604 года, во Франции - в 550 году. В VI и VII веках они входят в употребление в Англии, в эпоху Карла Великого получают широкое распространение на латинском Западе. Греки не знали колоколов до IX века, когда при Василии Македоняnine впервые привезены были из Венеции 12 медных с серебряной примесью колоколов. После взятия Константинополя турками в 1453 году звон в колокола был запрещен, во избежание возможности призыва населения к мятежу.

Уже у блаженного Иеронима (V век), а затем у Дуранда (XIII век) встречаются описания разных родов колоколов: небольшой колокольчик для монастырского рефектория и dormitorio - тинтиннабулум, греческий ручной колокольчик с раздвигающимся отверстием, напоминающим отверстие трубы-кодона, очень маленький колокольчик, употребляемый в хоре - нола (один из древнейших видов колокола), более крупный, с широкими краями - петасиус, большой тяжелый церковный колокол - кампана.

Первые колокола, как показывают сохранившиеся древнейшие их образцы (колокола святого Галла в Швейцарии, около 646 года, святого Патрика в Англии, относимый к 552 году), были невелики, имели не круглую, а четырехгранную форму: их стенки выковывались и спаивались, а не отливались. Иногда колокола украшались золотой и серебряной филигранью и дорогими камнями (колокола святого Патрика). Позже колокола принимают круглую форму, увеличиваются в раз-

Колокол типа «улей». XI в.

Установка большого колокола в Москве. Миниатюра XVI в.

колоколов. Колокола свыше 1000 пудов имеются при многих монастырях. В Москве в 1760 году был отлит колокол в 3351 пуд, разбившийся в 1812 году. Взамен его в 1817 году отлит новый - в 4000 пудов (большой усупенский). Такого же веса колокол имеется и в Троице-Сергиевой лавре. Два колокола замечательны по своему певучему звуку: Саввино-Сторожевский в Звенигороде и Симоновский - в Москве. Оба отлиты в XVII веке. Совершенно особо от всех русских колоколов стоят знаменитые ростовские звоны: сысоевский, акимовский, егорьевский и два будничных; они упоминаются во многих исторических и археологических памятниках. Всего колоколов в ростовской соборной церкви - тринадцать, девять из них - именные. Наиболее старинные и крупные - «Сысой» и «Полиелейный», оба в 2000 пудов.

Начиная с эпохи позднего Средневековья, колокол ассоциируется со всеми важными событиями общественной и религиозной жизни. Всякий свободный город имел колокол, которым созывались граждане на сходку. Городские колокола иногда помещались на спе-

мерах и весе: орлеанские колокола XI века достигают приблизительно 80 пудов; парижский колокол (отлит в 1400 году) весил более 480 пудов, «большой Бурдон» - 800 пудов; колокол в Руане (1501 год.) - 1160 пудов. В Англии йорский «Большой Петр» весил 602 пуда, в Италии колокол святого Петра - 835 пудов, в Германии колокол кельнского собора - 1600 пудов; в Австрии колокол святого Стефана в Вене - 989 пудов.

Россия превосходит все страны величиной и весом своих знаменитых

циальных городских башнях, иногда городу принадлежала часть колоколов соборной церкви. Власть над городскими колоколами символизировала власть над городом. Звон колоколов отмечались для населения важные моменты дня, сельского и промышленного труда. Утренний рассвет, час тушения огня и полдень возвещались звоном большого колокола, приглашавшим к произнесению молитвы. В деревнях и местечках Англии узнавали по соборному перезвону «колокола посева», «колокола жатвы», «рыночный колокол». В Страсбурге «колокол бури» предупреждал работавших в поле крестьян о приближении грозы; «колокол ворот» указывал момент открытия и закрытия городских ворот.

Во многих городах католического Запада звонят в «тихий», «смертный» колокол после смерти прихожанина, возвещая его пол и возраст (после однообразного звона в один удар - 3 удара в случае смерти мужчины, 2 - женщины; малый колокол - для дитяти, большой - для взрослого; особенно торжественный звон - для епископа и члена королевской семьи).

Со времен папы Иоанна XIV установился обычай крещения колоколов, привившийся в особенности в Бельгии и Голландии; восприимниками колокола бывали важные лица из церковной или городской знати; колоколам давали имена (в честь святого или жертвователя), вырезали на них девизы. Большой колокол часто носит имя Ангела и девиз «Беги ложа, отгоняй сон». На страсбургском «полу-денном» колоколе стоит надпись: «Аз есмь глас Жизни: зову вас: молитесь, приходите». Вера в таинственную силу, заключенную в церковном колоколе, выражена в девизе: «Оплакиваю похороны, ломаю молнии, распространяю покой субботный. Пробуждаю ленивых, разгоняю ветры, примираю окровавленных».

В многочисленных легендах о колоколе он сам собой звонит перед несчастьем; звук его плачет, просит, торжествует. Колокол таинственно связан со святыми силами и людскими душами; он будит землю и небо. Богатая символика колокола нашла отражение в классической поэзии. Колокол воспет в знаменитой песне Т. Мура «Вечерний звон», в «Песне о колоколе» Шилле-

ра, в «Потонувшем колоколе» Гауптмана. Вечернему звону посвящены прекрасные строки у Данте, Мильтона и Шекспира.

Осенью 1890 года на страницах «Исторического вестника» увидел свет труд М.И. Пыляева «Исторические колокола», познакомимся с выдержками из него. Эпиграфом взяты слова Паоло Мантегацца: «Колокол это голос церкви, зовущий издалека и посылающий равномерный привет дворцу и лачуге».

Затем автор утверждает: «Начало употребления колоколов приписывается египтянам; по словам историков, колокола будто бы употреблялись при священнодействиях в праздники Озириса. Грекам также были известны колокола: у афинян при храмах Прозерпины существовали колокола с той же целью, как и у нас, - ими народ призывался к богослужению».

Слово колокол, по догадкам некоторых ученых, имеет корень с греческого «калкун», означающее клепало или било. Первые колокола при церквях на Западе введены в употребление в конце VI века. Литые первых колоколов приписывают Павлину, епископу Нольскому, что в Кампани; думают что от этого и произошло латинское их название.

При христианских храмах колокола, надо полагать, вошли в употребление на Западе не раньше конца VI или начала VII века; существует предание, что когда в 650 году войска Клотария осадили Орлеан, то орлеанский епископ Луп велел звонить в соборный колокол при церкви святого Стефана; осаждавшие, испугавшись этого звона, приняли его за голос ангела и поспешно сняли осаду города. На Востоке колокола употреблялись весьма редко; при взятии Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только в немногих местах Сирии и Палестины. Турки запрещали колокола под тем предлогом, что будто бы звук их возмущает покой душ, витающих в воздухе.

Колокола, как у древних, так и у христианских народов, употреблялись в разных случаях: звон их призывал народ в храмы, извещал о времени, возвещал о начале действий военных и выступлении войск в поход. В неко-

торых местах звонили в колокола, когда вели на казнь преступников, случался пожар в городах, или смерть царя, епископа и даже частного лица. В небольших городах и монастырях, как уже мы заметили, колокола заменялись клепалами, билами, или просто досками как, например, в Греции, где их называли «симандрами»; это были просто деревянные и железные полосы, в которые били палками или колотушками. Подобные доски находились в XII и XIV веках в новгородских и псковских церквях - они и теперь еще употребляются на Алтае и в Сибири в старообрядческих скитах.

О колоколах новгородских упоминается с XI века, как это видно из повествования о приходе в Новгород Литовского князя Всеслава Брючиславича, снявшего с Софийской колокольни колокола в 1066 году, и из жития преподобного Антония Римлянина, приплывшего в 1106 году во время утрени к Новгороду и слышавшего в нем великий звон.

Колокола обычно отливаются из так называемой колокольной меди, состоящей из сплава 78% чистой меди и 22% олова. Но бывали примеры, что колокола делались из чугуна, стекла, глины, дерева, и даже серебра. Так в Китае, в Пекине, существует один колокол чугунный, отлитый в 1403 году. В Упсале, в Швеции, есть колокол из стекла, превосходного звука. В Брауншвейге, при церкви святого Власия, хранится как редкость один деревянный, тоже очень старый, лет около трехсот, называвшийся некогда колоколом святого Великого Пятка; он употреблялся во время еще католицизма и в него звонили на Страстной неделе. В Соловецком монастыре находятся глиняные колокола, неизвестно когда и кем слепленные.

Колокола у нас существуют многих видов и названий. Так известны: набатные, вечевые, красные, царские, пленные, ссыльные, благовестные, полиелейные, золоченые и даже лыковые; существуют еще небольшие колокола под названием «кандия» или звонец. Им дается знать звонарю на колокольную о времени благовеста или звона.

Первый из набатных колоколов висел в Москве, в

Кремле, подле Спасских ворот, в настенном шатре или полубашенке; он назывался также царским, сторожевым и всполошным; в него звонили во время нашествия врагов, мятежа и пожара; такой звон назывался «всполохом» и набатом. На этой полубашенке висел прежде, как полагали, вечевой колокол, привезенный в Москву из Великого Новгорода, после покорения его Иоанном III. Существует предположение, что новгородский вечевой колокол был перелит в московский набатный или всполошный в 1673 году. По указу царя Федора Алексеевича, он сослан был с 1681 года в Карельский Николаевский монастырь (где погребены дети Новгородской посадницы Марфы Борецкой) за то, что звоном своим в полночь испугал царя. На нем вылита следующая надпись: «лета 7182 июля в 25 день, вылит сей набатный колокол Кремля города Спасских ворот, весу в нем 150 пудов». К этой надписи прибавлена другая, вырезная: «7189 года, марта в 1-й день по именному великого го-

Старинные псковские колокола

сударя царя и великого князя Федора Алексеевича всея великия и малыя России самодержцу указу дан сей колокол к морю, в Николаевский-Карельский монастырь за государское многолетное здравие и по его государским родителям в вечное поминовение неотъемлемо при игумене Арсении».

По свидетельству старожилов, у другого набатного колокола, который висел на башне Спасских ворот после первого колокола и который теперь хранится в Оружейной палате, по приказу Екатерины II, был отнят язык за то, что он во время московского бунта в 1771 году сзывал народ; в таком виде он висел до 1803 года, когда был снят с башни и поставлен под каменным шатром у Спасских ворот вместе с большими пушками. По сломке шатра, он был сперва помещен в арсенал, а потом в Оружейную палату: на нем находится следующая надпись: «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасским воротам, весу в нем 108 пуд. Лил сей колокол мастер Иван Маторин».

Кроме набатных, были еще колокола «вестовые»; они существовали в старину в Сибири и во многих пограничных городах южной и западной России. Ими давали знать о приближении неприятеля к городу. Вечевые колокола у нас были в Новгороде и Пскове и, как надо полагать, последние не отличались большим весом. Еще в начале XVI столетия во всей Новгородской области не было колокола более 250 пудов весом. Так, по крайней мере, говорил летописец, упоминая о колоколе «Благовестнике», слитом в 1530 году ко святой Софии повелением архиепископа Макария: «слит бысть колокол велики велик, яко такова величеством не бывало в великом Новеграде и во всей Новгородской области, яко страшной трубе гласящи».

«Красными» колоколами называли такие, которые имели звон красный, т.е. хороший, усладительный, веселый; красные колокола тоже, что красивые, благозвучные. В Москве, в Юшковом переулке, существует церковь святителя Николая «у красных колоколов»; этот храм более чем два века славился своим «красным звоном».

Есть в Москве еще другой храм, за Неглинною, на Никитской улице, известный под именем «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшие по тону колокола в России, это в Ростовском соборе. Колокольня этого храма замечательна своим устройством и музыкальными звонами колоколов. Звоны там названы по именам учредителей: Ионин, по имени митрополита Ионы Сысоевича, который с 1652 года по 1691 год в течение 39-ти лет правил митрополией Ростовскою; Георгиевский, особенно хороший, как говорят знатоки, принадлежал архиепископу Георгию Дашкову, правившему Ростовом уже по уничтожении митрополии с 1718 года по 1731 год; Иоакимовский, по имени архиепископа Иоакима (1731 - 1741 годы). Колокола висят в линию и различаются весом: первый в 2000 пудов, второй в 1000, третий в 500 и т.д. до 20 пудов и менее. Всех колоколов тринадцать. Звонари становятся так, что могут видеть друг друга и соглашаться в такте. Это одно из условий гармонии. Митрополит Платон приезжал слушать эти звоны и хотел учредить у себя такие же в Вифании. Но ему сказали: «дайте такую же колокольню и такие же колокола». Исторические ростовские колокола: Сысой, Полиелейный, Лебедь, Голодарь, Баран, Красный, Козел и Ясак.

«Пленные» колокола имеются на колокольнях многих наших церквей; особенно богата ими Петербургская губерния, отчасти Москва и затем Сибирь. Из замечательных шведских старинных колоколов, один находится в Петербурге за Невской заставой на Фарфоровом заводе, весом в тридцать пудов. По рассказам одних, этот колокол найден был в земле, при постройке каменной церкви, на месте которой в старину стояла шведская кирка. По другим преданиям, он был взят в плен от шведов императором Петром Великим. Между колоколами Москвы «пленных» имеется тоже несколько.

«Золоченые» колокола имеются, кажется, только в городе Таре, в Сибири, при церкви Казанской Божией Матери. Их там шесть; все они небольшие от 1 до 45 пудов. Вызолочены они тарским мещанином Семеном Можайтиновым по следующему случаю. Любимый брат это-

го мещанина, был по торговым делам в степи, попался в плен к киргизам; брат, узнав об этом, дал обет, что если пленник благополучно возвратится из плена, то он позолотит колокола. Брат вернулся и горячность братской любви заставила выполнить данный обет. По другим рассказам, колокола позолотил Можайтинов из любви к церковному благолепию.

«Лыковые», как и карнаухие колокола, тоже принадлежат к опальным и ссыльным. «Лыковые» колокола, это ранее разбитые и затем связанные лыком. Один из них имеется, как мне передавал С.В. Максимов, в одном из монастырей Костромской или Вятской губерний; он прислан сюда из Москвы царем Иоанном Грозным.

Лучшие колокольные заводы находятся в Москве, но есть также в Костроме, Валдае, Воронеже, Петербурге, на Урале в Тагиле и в Сибири в Енисейске. Московские заводы на Балкане славятся около трех столетий; самые древние из них Самгина и Богданова; последний замечателен тем, что большая часть больших московских колоколов отлиты на нем. Древний царь-колокол отлит там же, мастером Маториным, от которого завод перешел к Слизову, от него к Калинину, а от последнего в 1813 году к М.Г. Богданову, который отливал и поднимал сам на Ивановскую колокольню нынешний московский большой колокол в четыре тысячи пудов. Московские заводы настолько хорошо делают колокола, что заказы получают из самых отдаленных мест Сибири и за границы. Медь для колоколов употребляется лучшего качества, иногда старый колокольный лом. Для расплавки 100 пудов меди сжигается до трех сажень дров; для тысячи пудов не более десяти сажень, для 10 000 пудов - до 30 сажень. Когда медь совершенно расплавится, к ней прибавляют минут за пять или за десять до отливки, известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтов меди, тщательно размешивая медь. При отливке некоторые из присутствующих, благоговейно крестясь, бросают в растопленную массу серебро, принося этим посильную лепту; другие же полагают, что от этого звон будет чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особен-

Отливка колокола в Твери в 1403 году. Миниатюра из Лицевого летописного свода

ною церемонией. Хозяин завода до начала литья приносит в мастерскую икону, зажигает перед ней свечи и все присутствующие молятся. Хозяин сам читает вслух особую, соответственную случаю, молитву, а мастера и рабочие ее повторяют. После этого все двери затворяются и хозяин дает знак начинать дело. Несколько рабочих проворно и ловко берут наперевес рычаг и, раскачав его, пробивают в плавильной печи отверстие пода, откуда тотчас же огненным ключом вырывается расплавленная медь. В это время нужны все искусство и ловкость рабочих для того, чтобы медь лилась

ровно, исподволь, по мере ее вливания в форму, и не переполняла бы желоба; в противном случае, она тотчас же выступает из него и половина ее выльется на землю, а если ее не достанет хоть на половину ушей колокола - вся работа пропадет и колокол надо вновь переливать.

При литье колокола, обыкновенно, литейщики пускали какой-нибудь самый нелепый слух.

На эти колокольные рассказы, известные под именем «литье колоколов», не раз полиция обращала внимание и брала с заводчиков подписки и делала им строгие внушения. Но с литьем колокола этот освященный веками обычай снова восставал в самой нелепой форме.

По отливке, колокол оставляется в земле иногда несколько дней, до тех пор, пока совершенно остынет. После того, как колокол остынет, его отрывают осторожно, снимают с него, или лучше разбивают, кожух и переносят в

точильню. Там его обтачивают точилами - и вся работа колокольно-литейного дела кончена. Когда колокол совсем готов, призывается священник для «чина освящения кампана». В молитве, читаемой при освящении колоколов, церковь молит о ниспослании особенной благодати, вливающей в кампан силу «яко услышавше вернии рабы глас звука его - в благочестии и вере укрепятся и мужественно всем дьявольским наветам сопротиво станут... да утолятся же и утешатся и престанут нападающие бури ветряные, грады же и вихри и громы страшные и молнии злорастворения и вредные воздуха гласом его».

Судьба многих исторических колоколов в Москве решилась во время войн Петра Великого со шведами. До этого государя в древней столице считалось сорок сороков церквей, а другие насчитывали их более двух тысяч, из которых, по крайней мере, половина была приходских, и при каждой были колокола. В 1700 году, после неудачи русских под Нарвою, Петру Великому кто-то из приближенных к нему иностранцев указал на непомерное множество колоколов как в Москве, так и в других городах. Петр приказал лить разные крепостные и полевые орудия из тех колоколов, которые признаны будут лишними. И в тот же год, зимою из них было отлито сто больших пушек, 143 полевые пушки, 42 мортиры и 13 гаубиц.

Число колоколов в Москве в настоящее время далеко превышает количество трех тысяч; а сколько их всех в России трудно исчислить. Даже отдельная Сибирь может похвастаться их изрядным количеством. Самый большой колокол там в Тобольском соборе, весит он 1 011 пудов и 22 фунта и лит, как значится по надписи на нем, в 1738 году на Тагильском заводе, тщанием митрополита тобольского Антония и иждивением дворянина Акинфа Никитича Демидова; звук его прекрасный и вид красивый. Кроме Тагильска, в Сибири лили колокола еще в Тюмени и Енисейске, но большей частью грубой отделки, небольшие и не особенно благозвучные.

Из привезенных в Сибирь колоколов, в историческом отношении замечателен «Углицкий карноухий», в ко-

Ссылный колокол

торый били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димитрия. Борис Годунов сослал изобличителей одушевленных в Пелымь, а неодушевленного, с отсечением уха, в Тобольск в 1595 году. Этот неумирающий ссыльный висел сперва на Спасской колокольне, потом перемещен был на соборную и, наконец, в 1837 году, по распоряжению архиепископа Антония, снят оттуда и повешен подле архиерейского дома, при

крестовой церкви, под небольшим деревянным навесом. Целью последнего перемещения было то, чтоб показать, если потребуется, эту историческую достопримечательность, посетившему в 1837 году Тобольск, наследнику престола. В настоящее время углицкий колокол сзывает к богослужению; но до этого времени, когда он висел на соборной колокольне, в него отбивали часы и при пожарных случаях били в набат. Весу в нем 19 пудов 20 фунтов, он карноухий, т.е. с отсеченным ухом; это сделано было, как выше нами сказано, по приказанию Бориса Годунова. Звук у него резкий и громкий; надпись на нем по краям вырезана, а не вылита; она гласит: «сей колокол, в который били в набат при убиении благоверного царевича Димитрия в 1593 году, прислан из города Углича в Сибирь в ссылку в град Тобольск к церкви Всемилоственного Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской колокольне был часобитной». Как склад надписи, так и форма букв новейшего времени.

По величине славятся колокола китайские и японские, весьма древние. В Миако, возле главного храма Будды, висит огромный медный колокол, который весит 5000 пудов, в Пекине колокола в три и четыре тысячи пудов не редкость. Но самый большой колокол в свете это наш московский царь-колокол.

В половине XVI века, на месте колокольни Ивана Великого стояла церковь Иоанна Лествичника и при ней

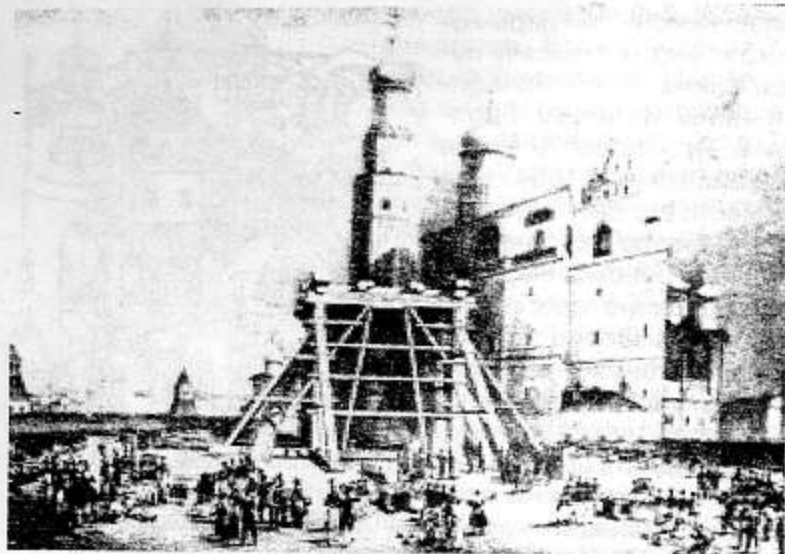
висел небольшой царь-колокол, весом в тысячу пудов, слитый во времена опричнины Иоанном Грозным. При царе Алексее Михайловиче, в 1654 году, на место его был слит другой уже гораздо больший колокол, весом в 8000 пудов. Предание говорит, что так как никто не брался поднять его, то он оставался без употребления до 1668 года, когда уже решился поднять его механик самоучка – царский привратник. Колокол этот висел подле Ивановской колокольни, но в пожаре 1704 года, июня 19-го, от жару или пролившейся на него

воды, он треснул. В 1731 году его сняли, а в 1734 году, по повелению Анны Иоанновны, приказано было к нему прибавить еще тысячу пудов весу, при чем предполагали приделать к Ивану Великому особую небольшую колокольню для этой громады.

Артиллерии колокольных дел мастер Иван Федоров Моторин взялся за работу и не подумал испугаться, когда колокол определено было вылить в 12 000 пудов. Устроили в Кремле литейную яму, между Чудовым монастырем и Иваном Великим, и Моторин принялся за дело. Ему отпустили 14 124 пуда и 29 фунтов меди, считая с старым колоколом и тысячу пудов олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевесу, после того, металла принято 14 814 пудов 21 фунт; олова отпустили еще 498 пудов 6 фунтов, что вместе составило 15 312 пудов 24 фунта. Медь, прибавленная к старому колоколу, привезена из сибирских заводов; в ней оказалось серебро и золото, оттого колокол и отличается беловатым цветом; по испытаниям, деланным в 1832 году, в нем нашли: на

Миниатюра из Лицевого летописного свода.
Середина XVI в.

Царь-колокол

один пуд меди $1 \frac{35}{96}$ золотника золота и $31 \frac{3}{96}$ золотника (золотник: 4,26 гр. - Т.С.) серебра. По другим исследованиям, содержание золота и серебра в колоколе втрое против показанного количества.

В остатке после вторичной, уже счастливой, отливки, оказалось металла 2 985 пудов 8 фунтов; следовательно, вылитый колокол весил 12 327 пудов 19 фунтов. Его подняли над ямой и повесили на особых подмышках. Страшный пожар в 1737 году, в Троицин день, начавшийся от забытой копеечной свечки, зажженной перед образом женой Марьей Михайловой в доме отставного прапорщика Александра Милославского, опустошил Москву и Кремль. Колокол упал с обгоревших брусьев в ту яму, где лили его, и при падении ли вышиблен был из него край от удара, или оттого, что желая потушить огонь в яме, лили в нее воду, он треснул, и из него вывалился большой кусок; таким образом к употреблению он уже не годился.

Императрица Елизавета Петровна хотела опять перелить его. Много было потом относительно его проектов: в 1770 году архитектор Форстенберг брался припа-

ять к нему отшибленный край; в 1797 году поручили механику Гирту составить план вынута колокола из ямы; в 1819 году генерал Бетанкур поручал архитектору Монферану осмотреть и описать его; потом велено было осмотреть его инженерному генералу Фабру. Император Николай I, узнав о новоизобретенном способе починки колоколов, предполагал вынуть колокол, починить его, построить для него особую колокольню и повесить его на ней. Но громадные размеры колокола заставили отложить такое намерение. Между тем, он безобразил Кремлевскую площадь своей обширной ямой. Царь-колокол лежал в глубокой яме напротив Чудова монастыря, над ямой был наслан деревянный помост с подъемной дверью, от которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытные спускались смотреть колокол в подземелье по крутой деревянной лестнице, вслед за проводником, который шел впереди с зажженным фонарем. В 1836 году, велено было вынуть колокол и поставить на гранитном пьедестале подле колокольни Ивана Великого. Монферан приступил к этой работе и после одного неудачного опыта, 23-го июля, в 43 минуты, двадцатью воротами, колокол был поднят из ямы, а 26-го передвинут на пьедестал, где он и теперь находится».

Под заголовком «Откуда пошли колокола» в 1898 году «Оренбургские Епархиальные ведомости» поместили небольшую заметку: «Первый колокол появился 1500 лет тому назад, в итальянском городе Ноле. Творцом его был местный епископ Павлин. Мысль об устройстве колокола в той именно форме, в какой он существует доныне, пришла святителю по следующему случаю, как передается в весьма поэтичном сказании: однажды епископ проходил по лесу в глубокой задумчивости. Пораженный картиной торжественной гармонии вселенной епископ Павлин поднял руки к небу и воскликнул: «Будь благословен и прославлен, Владыко Вселенной! Пошли мне знамение, что Ты сегодня живешь во мне и со мной останешься до конца моей жизни!» В то же мгновение кругом епископа раздались тихие нежные звуки и он увидел как голубые цветки колокольчиков, слегка коле-

бались своими чашечками в замирающем вечернем воздухе. В воспоминании этого блаженного состояния, пережитого епископом, он приказал вылить большой бронзовый колокол наподобие цветков колокольчиков и с тех пор колокол этот стал собирать жителей Нолы на молитву».

Продолжая тему, «Оренбургские Епархиальные ведомости» в 1904 году напечатали статью «Колокольный звон в народных верованиях»:

«Колокольный звон в представлении нашего простолюдина имеет таинственное значение. Нечистые духи и ведьмы, по народному верованию, боятся колоколов и, заслыша их звон, улетают как можно дальше. В Малороссии верят, что первый удар колокола приводит бесов в оцепенение, при втором ударе они в смятении бросаются во все стороны, а при третьем - исчезают. Поэтому-то некоторые из малороссов, услышав церковный благовест, делают крестное знамение только при третьем ударе колокола.

По объяснению г. Афанасьева, колокольный звон служит символом гласа бога-громовика. Это мнение почтенного исследователя вполне подтверждается тем, что такое же таинственное значение, какое присваивается народом колокольному звону, приписывается и грому. Пророк Илья (на которого перенесены некоторые черты языческого почитания бога-громовика Перуна), по народному поверью, ездит по небу на огненной колеснице и пожирал бесов, которых увидит на земле, громом и молнией. Поэтому-то бесы при первом же ударе грома стараются спрятаться за различные предметы: за деревья, за людей и т.д.

Как святой пророк Илья отчасти заменил в понятиях наших предков, с принятием христианства, Перуна - бога-громовика, так и колокольный звон сделался символом грома небесного. Поверья, приуроченные первоначально к последнему, стали с течением времени переноситься народом на первый.

По распространенному в Ярославской губернии поверью, растительность на земле весною только тогда начнет идти «по настоящему», когда ударил первый гром. Ча-

стые грозы летом предвещают обильный урожай; то же самое предвещают и частые «зарники» (молния без грома).

Неудивительно, что и колокольный звон в народных верованиях имеет довольно тесное отношение к урожаю. В юго-западной России верят, что тот, кому удастся в Христов день первым взойти на колокольню и позвонить, у того в текущем году будет хороший урожай на гречиху. В некоторых местах Великороссии деревенские бабы ходят в Светлое Христово Воскресенье звонить, чтобы лён у них вырос длиннее. В других местах существует поверье, что если звонарь в Светлое Христово Воскресенье затрезвонит не тотчас по окончании обедни, то будет неурожай хлеба.

Тесную связь колокольный звон имеет в народных верованиях также и с умершими.

Колокольному звону народ усваивает способность возбуждать усопших от их непробудного сна. В Рязанской губернии народ верит, что как только в полночь ударят в колокол, так мертвецы встают из своих могил и идут пить на реку. Верование это известно и в Пошехонском уезде Ярославской губернии. По верованию крестьян малорусских, в Светлый Четверток мертвецы встают из своих гробов и собираются в церковь по звуку колокола, который ударяет всего только один раз. Собравшись вместе, они становятся перед храмом. Из среды их выходит священник и громогласно произносит какую-то молитву, по окончании которой двери храма отворяются сами собой. После этого мертвецы входят в храм и собор священников начинает совершать литургию. Во время литургии перед алтарем стоит ряд детей, которые держат в руках по красному яйцу, наполненному «клом», т.е. льняным сором. По окончании литургии, мертвецы христосуются друг с другом, затем выходят из храма и по-прежнему становятся перед дверью его. Священник произносит молитву, после чего двери храма сами собою затворяются и мертвецы возвращаются на кладбище.

Наши предки, славяне-язычники, веровали, что умершие живут и по смерти; с наступлением зимы, когда засыпает вся природа, засыпают и усопшие; напротив, с

наступлением весны, когда природа пробуждается от зимнего сна, пробуждаются от сна и умершие. А природу возбуждает от сна, по верованию славян-язычников, все тот же бог-громовик своим громовым гласом (у нас крестьяне верят, что настоящая весна наступает только после первого грома, и т.д.). Отзвук этого древнеязыческого верования и представляют из себя вышеприведенные поверья о колокольном звоне.

Признавая за колокольным звоном оживляющую силу, наши крестьяне признают за ним и силу целебную, точно так же, как и за громом. Известно, что вода после первого грома считается целебной от всех болезней.

В Малороссии крестьяне так лечат «мертвую кость» (нарост на теле): во время колокольного звона берут на кладбище кость и трут ею нарост до окончания колокольного звона. В Ярославской губернии страдающие глухотою отправляются на колокольню и, наклонившись под большим колоколом, слушают колокольный звон.

Повсеместно крестьяне верят, что пожертвование на новый колокол всего лучше может облегчить участь грешной души в загробной жизни. Основа такого верья коренится уже в христианских верованиях. Это можно видеть из следующего народного рассказа: у одной купчихи удавился муж. Каждую ночь он являлся к ней во сне с веревкой на шее. День и ночь молила она Бога и все не знала, как замолить ей грех мужа. Раз уже в одном монастыре надоумил ее старик-монах колокол вылить. Этим колоколом и спаслась душа купца. Оно и верно ведь: как в колокол к обедне или к утренне ударят, сколько душ христианских перекрестится и к Богу воздохнет - тысячи! А той душе, чей колокол - раз от разу легче».

Наш народ считает иногда колокол как бы существом одушевленным. Раз, говорит народная легенда, - везли два колокола, вылитые на одном и том же заводе. При переправе один колокол утонул в реке и вытащить его никак не могли, так он и остался на дне. Второй же колокол был повешен на место. Но звуки его были печальны: в них ясно можно было слышать слова: «брат

Кондрат на дне лежит, а мне Бог не велит».

Безусловно, колоколам посвящено немало других исследований...

«НАЧАЛСЯ ПРИЗЫВНЫЙ ЗВОН...»

Многолетние поиски сведений об оренбургских колоколах оказались плодотворными. Сначала познакомимся с документами о колоколах тех храмов г. Оренбурга, которые не сохранились до наших дней.

Преображенский летний собор

На страницах «Оренбургских Епархиальных ведомостей» в конце XIX века опубликованы статьи И. Сперанского об оренбургских храмах, он писал: «Самая первая

церковь в г. Оренбурге построена в 1743 году в честь Успения Пресвятой Богородицы, она была деревянной. Церковная утварь собиралась для нее из обветшалых церквей. Когда из Губернской канцелярии сообщили о разборе деревянной церкви в Орской крепости, Духовное правление определило перевезти колокол этой церкви в 25 пудов 35 фунтов для оренбургского собора. Контора строений сделала для него на колокольне столбы из дубового леса и этот колокол стал самым большим в Успенском храме.

Введенский зимний собор

А И.И. Неплюев уже был озабочен строительством другого собора, более благолепного. К 1750 году на бе-

регу р. Яика возвышался Спасо-Преображенский собор (теперь на этом месте трансформаторная подстанция рядом с музеем г. Оренбурга – Т.С.). Он был так хорошо отделан и обставлен, что народ назвал его «золотым». Спасо-Преображенский собор со дня своего освящения служил в течение почти полутора столетий (до октября 1895 года) главным храмом г. Оренбурга, вид его производил впечатление величественной простоты, колокольню своей напоминая готический стиль.

Едва успел И.И. Неплюев отстроить Преображенский собор, как жизнь представила ему новые духовные нужды быстро развивавшегося города и он задумал построить еще одну соборную церковь.

Введенская церковь, сооруженная его стараниями в 1758 году, освящена самим преосвященным архиепископом Казанским Гавриилом (церковь находилась там, где теперь пушка на Набережной – Т.С.).

По поручению Губернской Канцелярии, находящийся в Казани капитан Репьев купил для Введенского собора пять колоколов.

Любопытная особенность храма - в его колокольне сто лет с 1758 года по 1859 год помещалось Оренбургское духовное правление (присутственное место, составлявшее среднюю инстанцию между консисторией и благочинными).

Георгиевская церковь, построенная в 1756 году, послужила предметом поругания для пугачевской толпы в 1774 году. Местное предание говорит, будто Пугачев втащил на колокольню пушку и из амбразуры колокольни стрелял по городу...».

Здесь мы прервем чтение интереснейшего труда И. Сперанского и обратимся к архивным материалам, поведавшим, что перед приездом в г.Оренбург наследника Цесаревича, будущего императора Николая II «С благословения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, Епископа Оренбургского и Уральского, Попечительный комитет, окончив с Божиею помощью работы по исправлению и обновлению церкви во имя Святого Великомученика и Победоносца Георгия в Оренбургской станице» пригласил жителей губернского центра 14

июля 1891 года на «малое освящение церкви и подъем, приобретенного для храма нового колокола».

Самый крупный колокол Георгиевского собора весил всего 83 пуда 16 фунтов, другой колокол в 40 пудов, третий в 7 пудов 20 фунтов, четвертый - в 4 пуда 22 фунта, остальные три по 1 пуду 20 фунтов каждый. И потому было задумано приобретение большого колокола, но дело откладывалось за недостатком средств. Тогда же поднят вопрос и о постройке более высокой колокольни, но все же «порешили» оставить собор в том виде, в каком он был построен.

С благословения преосвященнейшего Макария епископа Оренбургского и Уральского в октябре 1894 года начат кружечный сбор на сооружение нового колокола.

Перевозка его с вокзала железной дороги состоялась в воскресенье 3 января 1899 года: «К 2 часам дня прихожане Георгиевской и Никольской церкви собрались на товарной станции. Дружными усилиями колокол был поставлен на особо устроенную раму с полозьями, к которой были укреплены канаты. Везти колокол прихожане пожелали на себе, а колокол в 316 пудов 20 фун-

Георгиевский войсковой собор

тов весом, да и путь не близок, однако, с Божьей помощью, колокол был сдвинут с места и пошел так легко и ходко, чего сначала и не ожидали...

На пути набралось народу еще больше - везли кто мог: и мужчины, и женщины, и ребятишки. Проследовав по Большой улице (ныне ул. Советская - Т.С.), колокол свернул на Институтскую (теперь ул. Ленинская - Т.С.) и благополучно прибыл к Георгиевской церкви».

От благословения Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, Епископа Оренбургского и Уральского, Почетительный Комитетъ, воплотивъ съ Божіею помощію работы по исправленію и обновленію церкви во имя Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія въ Оренбургской станицѣ, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что въ Воскресенье 14 сего Юлія имѣетъ быть

МАЛОЕ ОСВЯЩЕНІЕ

взвѣснѣею церквію, а затѣмъ послѣ божественной литургіи и благодарствѣннаго Господу Богу молебствія будетъ совершено ПОДЪЕМЪ приобретеннаго Комитетомъ для Георгиевскаго храма НОВАГО КОЛОКОЛА. Извѣщая о сего всерадостномъ событіи, Почетительный Комитетъ покорнѣйше проситъ боголюбивыхъ христіанъ явиться въ этотъ день въ Георгиевскую церковь для участія въ соединенной молитвѣ при освященіи обновленнаго храма и поднятій колоколовъ.

Члены Комитета: *Алексей Мурзиновъ,
Федоръ Кадомниковъ,
Петръ Басмужовъ.*

Объявление в «Оренбургском листке» 7 июля 1891 года

Современник события делился впечатлениями:

«По внешнему виду колокол не оставляет желать лучшего: он хорошо очищен и украшен изображениями Спасителя, Божией Матери, Георгия Победоносца и Иоанна Лествичника. Поверх этих священных изображений идет надпись: «Благовестуй земле радость. Хвалите небеса Божию славу», а по нижнему краю колокола славянскими буквами (вязью) начертано: «Сей колокол отлит для оренбургского Георгиевского собора на средства прихожан и благотворением генерал-майора Ивана Васильевича Чернова в царствование Благочестивейшего Государя Императора Николая II, при Епископе Владимире». Еще ниже изображены три государственных герба. Таким образом, к существующим колоколам присоединяется значительный по весу новый колокол, более приличествующий современному положению Георгиев-

ской церкви, как войскового собора Оренбургского казачьего войска». Огорчало его одно: «Теперь, с прибытием нового колокола, как бы звучен он не был, но находясь на колокольне, которая гораздо ниже линии построек Форштадта, он будет терять свою звучность».

Поднят колокол 7 февраля 1899 года, в воскресенье. И мы вновь обращаемся к свидетельству очевидца: «После литургии и молебна начался с колокольни призывный звон, приглашающий прихожан и ревнителей о храме Божиим к освящению нового колокола. К часу дня вся Георгиевская площадь была уже запружена народом. Несмотря на морозное утро, толпы терпеливо ждали. Наконец, вынесли святые иконы и хоругви. Колокол был окроплен святой водой.

Желающие поднять колокол были установлены около канатов. Предстояло, однако, выполнить нелегкую задачу ввезти колокол под своды колокольни потому, что узкие тонкие пролеты наверху, где повешены колокола, не давали возможности поднять обычным путем большой колокол. В виду этого уже заранее своды колокольни были пробиты и, таким образом, колокол должен был подниматься внутри колокольни. К счастью, это затруднение было преодолено: на блоках, через которые перекинуты были канаты и за которые тянул народ, колокол весьма быстро и легко поднят был на колокольню и помещен в середине старых колоколов. Толпы народа обнажили головы и благоговейно творили крестное знамение и молитву. Честь и слава местному мастеру (кузнецу), преодолевшему все затруднения и умело распорядившемуся ходом работ!»

А теперь небольшая выдержка из книги П.Н. Столпянского «Оренбург», изданной в 1908 году: «Троицкая церковь (сначала деревянная) была построена оренбуржцами во время пугачевской осады, когда они уже отчаивались в возможности спасения. В пожаре 1786 года церковь, перестроенная в каменную (1784 год), сильно обгорела и только в 1800 году произошло ее освящение, в 1807 году закончено строительство колокольни...».

Во время ужасающего по своим масштабам пожара в апреле 1879 года церковь пострадала от огня более

других. Петр Николаевич Столпянский пишет: «Города не было. Виднелся один страшный черный столб, уходящий высоко в небо, по которому скользили огненные языки и змейки... С оглушительным гулом упал колокол с колокольни церкви во имя Святой Троицы (располагалась, там где сейчас дом по ул. Ленинской, 28 – Т.С.). Он прошиб два свода колокольни и врезался в каменный пол на четверть, треснув продольно».

На восстановление храма «употреблено» более 16 000 рублей, пожертвованных прихожанами - купцами П. Шibaевым, братьями Мякинковыми, М. Моталевым и другими. По утверждению известного исследователя Р. Игнатьева, Троицкая церковь «пережив тяжелые смутные годы... возникла в виде более прекрасном... На верхнем ярусе колокольни помещаются все колокола, коих в

Троицкая Церковь

храме семь: самый большой в 450 пудов, полуелейный в 110 пудов 20 фунтов, повседневный в 67 пудов 4 фунта, 4-й колокол в 11 пудов 33 фунта, 5-й - в 1,5 пуда, 7-й - в 1 пуд 3 фунта».

Отлитый в октябре 1852 года и разбившийся во время пожара 16 апреля 1879 года большой колокол Тро-

ицкой церкви через пятнадцать лет решено перелить на новый. В воскресенье 16 октября 1894 года его торжественно сняли с колокольни и перевезли на колокольный завод, временно устроенный на Конно-сенной площади (сейчас территория вокруг Центрального рынка – Т.С.): колокол установленный на бревенчатые сани в течение часа при помощи шести канатов и в сопровождении массы молящихся был поставлен на место. Через 10 дней, после молебна, совершенного троицким причтом при участии хора певчих, в присутствии жителей города состоялся отлив колокола весом более 450 пудов. На нем сделана надпись: «перелит иждивением купца Алексея Ивановича Зарывнова при церковном старосте Иване Алексеевиче Зарывнове».

Церемония подъема колокола, пожертвованного Оренбургскому Успенскому женскому монастырю (занимал участок земли в районе современных улиц Аксакова и маршала Жукова) купцом П.М. Деевым привлекла 16 ноября 1896 года массы благочестивых христиан. Колокол весил 262 пуда 30 фунтов, имел надпись: «В память рождения Великой княжны Ольги Николаевны». Он был отлит в Ярославле и куплен с Нижегородской выставки.

+ КОЛОКОЛЪ,

купленный на Всероссийской Нижегородской промышленной выставке и пожертвованный для Оренбургскаго Успенскаго женскаго монастыря усердіемъ Петра Михайловича Дѣева, сего 3-го ноября, въ воскресенье, имѣетъ быть перевезенъ съ вокзала желѣзной дороги въ 2 часа дня. По прибытіи во св. обитель будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ, о чемъ и извѣщаются православные и боголюбивые христіане.

Объявление в «Оренбургском листке» 3 ноября 1896 года

Не так давно снесено в г. Оренбурге здание, распо-

лагавшееся на углу улиц 8 Марта и Челюскинцев – до революции там размещался детский приют. Нам трудно представить, но и при нем действовала церковь, да еще с колокольной. Согласно архивным документам Оренбургское Губернское попечительство детских приютов в сентябре 1891 года просило «боголюбивых христиан пожаловать на освещение креста и колоколов вновь устраиваемой церкви при здании приюта Святой Ольги». Колокола были подняты на «особо поставленную при этой церкви колокольню».

Красноречив документ 1891 года об открытии домового храма в приюте Святой Ольги: «В прошлое воскресенье, 29 сентября, подняты были, по церковному чиноположению, кампаны или колокола; освящен будет Божий храм во имя святой равноапостольной княгини русской Ольги и во имя святого Николая. Учреждение приюта получает, таким образом, ныне всю полноту действий своих в духе религии, христианской нравственности и русской народности. Приют основан покойным генерал-губернатором Н.А. Крыжановским на частные пожертвования. Храм и утварь его сооружены также иждивением доброхотных жертвователей, из которых назовем пока Г.Н. Мещерякова и С., В.М. Иванова, А.Ф. Ключа. Между прочим, иконостас, иконы, сосуды, облачения, хоругви и колокола обошлись жертвователям в 1 300 рублей. В виду бедствий, постигших край по причине засухи и неурожая этого года, почтенные жертвователи заслуживают глубокой признательности».

Среди благотворителей, передавших в приютский храм колокола губернатор Н.А. Маслаковец (колокол весом в 1 пуд 32 фунта, стоимостью 36 рублей), купец С.И. Щербаков (колокол весом 6 пудов за 125 рублей), полковница М.Я. Новокрещенова (колокол весом в 34 фунта, который стоил 17 рублей), купец И.Е. Баландин (его колокол весил 25 фунтов).

Ныне действующая Никольская церковь была построена по инициативе казаков Оренбургской станицы, т.е. Форштадта. Священник К. Белявский, составляя «Летопись церкви Святого Чудотворца Николая в Форштадте», в 1886 году сообщал: «Нельзя умолчать о большое

колоколе Николаевской церкви, который как бы сам напросился на колокольню Николаевскую, будучи приобретен в другое место. Дело в том, что оренбургский купец Д.П. Дегтярев, строя церковь Оренбургскому духовному училищу, выписал в 52 пуда прекрасный по звуку колокол для той церкви, но за теснотой училищной колокольни он не мог войти в нее, а казаки как раз искали каким бы способом приобрести хоть небольшой колокол на первый раз при безденежье и упросили уступить колокол для церкви Николая Угодника с рассрочкой платежа 800 рублей и таким образом очутился хорошенький колокол вместо училищной на Николаевской колокольне.»

Где же отливались колокола для оренбургских церквей? В «Оренбургских Епархиальных ведомостях» периодически публиковалось объявление: «Колоколо-литейный завод Буслаева в Самаре принимает заказы на отливку колоколов всякого веса и меняются разбитые колокола. На заводе имеются постоянно в продаже готовые колокола разного веса».

В Ярославле отливался колокол для возвращенной верующим Дмитриевской церкви, построенной в 1890 году на средства братьев купцов Дегтяревых.

С Архипастырского благословения Его Преосвященства Макария Епископа Оренбургского и Уральского 27 июня 1893 года поднят крест на новоустроенную при оренбургской Дмитриевской церкви колокольню. Тогда же, по утверждению современника, «явилась мысль о сооружении большого колокола, но вывешенная для этой цели кружка долгое время оставалась пустою и только в 1895 году сделано было первое значительное пожертвование на колокола вдовою А.Г. С-ой, в количестве 400 р. (и еще недавно - 80 р.). После этого начался приток пожертвований при о. В.И. Коблове, которым собрано около 150 р. и затем священником А.П. Словохотовым эта сумма была дополнена еще 750 рублями. Таким образом, всей суммы от пожертвований и проданных старых разбитых колоколов скоплено было около 1000 рублей, на которую церковь и был приобретен колокол на Ярославском заводе Оловяникова за 1800 руб. с уплатою

остальных в течение двух лет».

Дмитриевский храм постоянно получал пожертвования. Велики ли были деньги переданные на покупку нового большого колокола вдовой, пожелавшей остаться неизвестной, судите сами: корову по тем временам можно было купить за 20-45 руб., барана за 3-6 рублей, пуд муки за 1 рубль.

Время быстротечно - вскоре оренбургские газеты сообщили: «Сегодня в день храмового праздника в церкви Димитрия Солунского состоится после литургии поднятие колокола. Благовест к молебну по случаю праздника последует уже из нового колокола. Колокол ве-

Дмитриевская Церковь

сом в 109 пудов сооружен на сборные приходские деньги, а инициатива была дана лет семь тому назад бывшим настоятелем Дмитриевской церкви протоиереем С.М. Юденичем».

После литургии 26 октября 1897 года приступили к подъему колокола. Но при входе в окно звонницы он вдруг остановился, зацепившись за карниз... Один из канатов лопнул, а по другому уцелевшему колокол быстро пополз назад, сел на крышу сарайчика, разрушив его. Как свидетельствовал присутствующий при этом оренбуржец: «Не будь усердия православных христиан, тянувших второй канат, катастрофа была бы неизбежна, так как на месте «абсолютного» падения этого кампана находились священник, певчие и множество народа.»

Не сразу обрел свое место и другой колокол Дмитриевской церкви. «Оренбургская газета» летом 1905 года напечатала любопытнейшую заметку под заголовком «Необычный звон»: «За последнее время приводят в недоумение раздающиеся в неурочные часы глухие удары колокола. Оказывается, что это звонят во вновь привезенный и поставленный около Дмитриевской церкви колокол при опускании жертвователями денег в выставленную у колокола кружку».

Чуть позже, на первой странице этого популярного издания, появляется объявление: «7 августа (в воскресенье) после литургии, которую совершит его преосвященство епископ Оренбургский и Уральский, в Градо-Оренбургской Дмитриевской церкви состоится поднятие на колокольню нового большого колокола, отлитого в память рождения наследника Цесаревича Его Императорского Высочества, Великого Князя Алексея Николаевича». Но подняли колокол на верхний ярус колокольни Дмитриевской церкви позже в виду того, что «оказались неисправными железные части (хомуты), прикрепляющие колокол к балкам».

«БЛАГОВЕСТВУЙ, ЗЕМЛЕ, РАДОСТЬ...»

Драматична судьба большого колокола Оренбургского Казанского кафедрального Собора. Остается только гадать, почему об этом никогда не писали исследователи, занимавшиеся его историей...

Пред окончанием постройки собора вчерне, в 1893 году когда уже денежные средства значительно истощились и «явились опасения, что отделка храма и освящение его отдалятся на продолжительное время, пришла на помощь с щедрым пожертвованием в 30 тысяч рублей вдова оренбургского купца М.Л. Иванова». Из выделенной ею суммы, 13 тысяч отчислены на колокола. Для отливки колоколов вызван в г. Оренбург мастер с известного колокольного завода Финляндского в Москве.

Печь была построена из местного огнеупорного бе-

Казанский Кафедральный собор

лого кирпича. Медь куплена «от Пашкова, а часть (до 300 пудов) приобретена от кампании англичан, сделавшей первый сплав меди из руды в киргизской степи».

На первой странице газеты «Оренбургский листок» в июне 1894 года помещено объявление: «Ныне в Оренбурге мастерами колокольно-литейного заводчика Финляндского устраивается плавильная печь для отливки колоколов. Пожертвования принимаются как на месте отливки, так и при сборе.

Будут также приниматься заказы на отливку и переливку колоколов от других церквей. С пожертвованиями и за объяснениями по сему делу заказчики благоволят обращаться к священнику И. Руднянскому».

Накануне отливки председатель комитета по постройке Казанского собора А.А. Ломачевский писал инженеру Ф.А. Гаген: «До сведения моего дошло, что отливаемый иждивением оренбургской купчихи М.Л. Ивановой большой колокол для нового собора по размерам своим не вполне соответствует выстроенной звоннице». Он просил собрать технический комитет и рассмотреть вопрос о целесообразности подвески колокола. Опытные инженеры сделав вывод, что «такой большой колокол в акустическом отношении будет повешен не выгодно: большая часть звука будет пропадать, будет сильное дребезжание стекол и даже расшатывание сырой еще кладки сводов», все же сочли возможным «повесить этот колокол, а для улучшения распространения звука опустить предварительно подоконники звонницы».

Газета «Оренбургский листок» в 1894 году сообщила: «Соборный колокол зачнут после молебна в 12 часов дня, а лить будут в понедельник 1 августа. Вслед за сим будут лить другой колокол для собора... Суеверы должны не забывать, что во время литья колоколов появляются сплетни и разрастаются до колоссальных, чудовищных размеров, пока не привяжут языков».

Духовенством Воскресенской церкви 31 июля был отслужен молебен на закладке меди для отливки колоколов к соборной церкви. Были жертвователи, сыпавшие серебром целыми горстями. Площадь поливалась пожарными из насосов. А 1 августа случилось непредвиденное.

ОТЛИВКА КОЛОКОЛА.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Комитетъ по постройкѣ Соборнаго храма въ городѣ Оренбургѣ
объявляетъ гражданамъ города что въ

четвергъ 6-го сего Октября въ часъ дня

ИМѢЕТЬ БЫТЬ

ОСВЯЩЕНИЕ МѢДИ

ПРЕДЪ ЗАКЛАДКОЮ ЕЯ

ВЪ ПЛАВИЛЬНУЮ ПЕЧЬ КОЛОКОЛЬНАГО ЗАВОДА,

устроенную на базарной площади, близъ христіанскаго кладбища, 7-го числа въ пятницу въ часъ дня будетъ произведена

ОТЛИВКА БОЛЬШАГО КОЛОКОЛА

ВЪ 700 ПУДОВЪ ДЛЯ СОБОРА:

зрѣть въ субботу въ 12 часовъ дня

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ ГОСПОДУ БОГУ МОЛЕБЕНЬ

Благотворители благоволятъ предъвить свои пожертвования
въ Комитетъ къ означенному времени.

«Неудавшаяся отливка колокола для новостроящегося собора в г. Оренбурге составляет злобу дня истекшей недели не только в среде местных христиан, но и мусульман, - писал тогда один из наших земляков, - В самом деле - курьез! Взятся отлить наши соборные ко-

локола лучший колокольный заводчик в благочестивой Москве г. Финляндский (мастера этого завода отливали колокола и для Храма Христа Спасителя – Т.С.), цена за тысячу пудов (в двух колоколах 700 и 300) условленна хорошая. Мастер, присланный от заводчика, целых два месяца моделировал колокола и устраивал печь.

Народ явился на Сенную площадь (сейчас территория вокруг Центрального рынка – Т.С.) во множестве и понес свои обычные жертвы: кастрюли, самовары, тазы, ведра, колокольчики, деньги – старые и новые, ризы с образов, медные изображения святых, кресты, серебряные крестики, кольца, браслеты, удивительные по форме кадилницы, вазы, чашки, ложки и т.п. медный и серебряный лом. Из этих сердечных приношений образовалась оригинальная и большая куча вещей в несколько сот пудов (эта куча жертвованных вещей стоила бы внимания наших ученых археологов). Но в печь была уже положена или «замурована» чистая штыковая медь с чистой лигатурой.

Отливка колокола объявлена на 1 августа после молебна о благополучном исходе предпринятого общественного дела и народ после обычного в этот день крестного хода на реке Урал явился к месту отливки первого колокола (в 700 пудов) в несметном числе, продолжая бросать в общую кучу свои жертвы... Каково же было поражение для благочестивого чувства, когда навстречу идущим неслись скорбные, тревожные вести: «Не удался!», «Не вышел!». При этом иные смиренно и молитвенно осеняли себя крестным знаменем, иные тихо восклицали:

«Господи Боже – что ж это такое?». Все были поражены недоступностью места отливки (завод охраняла полиция).

На самом деле случилось так, что мастер не обратил внимания на жаркую погоду и на превосходные сухие дрова, обсчитался во времени появления сплава в печи.

Тем не менее, народ благочестивый ищет своих причин, относя их то к «нечистым» жертвам, то к гневу Божию за нерадение к молитве, то к грешному самонадеянному высокоумию людскому, то к слабоверию в Божию помощь».

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМИТЕТЪ

по постройкѣ новаго соборнаго храма въ
Оренбургѣ извѣщаетъ жителей города, что

ВЪ ПЯТНИЦУ, 25 НОЯБРЯ,

ВЪ 12 ЧАСОВЪ ДНЯ БУДЕТЪ ПРОИЗВЕДЕНО

ВНАТЫВАНІЕ

КОЛОКОЛОВЪ

ВЪ 700 и 300 пудовъ,

ОТЛИТЫХЪ ДЛЯ СОВОРА. НА ПАПЕРТЬ СОВОРА.

А ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 27-го НОЯБРЯ,

ВЪ 10 час. утра, послѣ молебна, будетъ

ПОДНЯТІЕ

КОЛОКОЛОВЪ

НА СОБОРНУЮ ЗВОНИЦУ.

Ноября 22 дня 1894 года.

В этот же день 1 августа 1894 года Ф.А. Гаген пишет А.А. Ломачевскому: «Судьба решила сама. Отливка пошла неудачно и теперь наступило время, когда все исправимо. Я смею просить для пользы дела теперь далее не допустить отливку большого колокола в 700 пудов, так как по величине и весу не будет подходить к звоннице

собора, и для колокола таких размеров полагается колокольня...»

Пока думали-гадали, что делать с большим колоколом, отливка второго (в 302 пуда) удачно прошла 20 августа. На следующий день совершен благодарственный молебен, а колокол для пробы повешен на козлы. Он был красив, довольно звучен, имел следующие надписи: «Господь сил Той есть Царь славы!» - «Сей колокол лит во славу Божию и Пресвятой Богородицы иждивением Марии Львовны Ивановой в память помолвки Государя Наследника Николая Александровича».

Несмотря на разногласия, 6 октября 1894 года вновь совершенно освящение меди перед закладкой ее в плавильную печь. К сплаву большого колокола добавлено значительное количество билонного серебра (в монете) и 7 октября он был отлит (вес более 723 пудов 32 фунтов, вес языка - 25 пудов 31 фунт). На колоколе сделаны надписи: «Благовестуй, земле, радость велию. Хвалите небеса Божию Славу. Сей колокол отлит к соборному храму во имя Казанской Божией Матери в г. Оренбурге, в царствование Государя Императора Александра III, в святительство преосвященного Макария епископа Оренбургского, при губернаторе Владимире Ивановиче Ершове и вице-губернаторе Ассинкрите Ассинкритовиче Ломачевском иждивением вдовы Марии Львовны Ивановой в память покойного супруга ее Сергея Михайловича Иванова, усердием священника Михаила Федоровича Руднянского на многие лета всем гражданам г. Оренбурга». Колокол «имел» рельефы, изображающие «лики херувимов, Спасителя, Божией Матери (Казанской иконы), преподобного Макария египетского, Александра Невского, князя Владимира, преподобного Сергия Радонежского, Марии Магдалины и княгини Елены».

Корреспондент «Оренбургского листка» позднее утверждал: «Честь, слава и вечно добрая память среди граждан будет жертвователям, украсившим новый храм величественными колоколами. При совместном звоне меньший колокол звучит как будто в сентиму, и это дает интересный минорный аккорд. К сожалению, маленькая звонница собора положительно не соответствует мас-

сивности колоколов. Она будет глушить звуки и от сотрясения воздуха будет разрушаться сама».

К собору колокола перевезены в ноябре 1894 года в сопровождении народа, 25 ноября произведено вкатывание их на паперть. Тогда же предложен проект подъема звонницы на большую высоту или сооружения новой отдельной звонницы. Предполагалось также перемещение небольшого, но хорошо звучащего колокола из летнего собора (Неплюевского), как бы связывающего собой старый собор с новым, сооруженным в память И.И. Неплюева, великого и незабвенного устроителя Оренбургского края.

Колокола подняты на звонницу 4 декабря и закреплены на особых стальных контрфорсах. Подъем «сделан» без машин, усилиями рук верующих людей, которых набралось к собору тысячи, несмотря на мороз. «Так велика у русского народа ревность к храмам Божиим! - восклицал современник, - Радостным чувством забилося сердце граждан, когда с небольшой сравнительно звонницы раздались мощные звуки большого колокола, возвещавшие миру, что одним храмом стало больше на лице земли Русской».

С нетерпением жители г. Оренбурга и окрестных селений ожидали дня торжественного освящения нового Кафедрального Собора.

По распоряжению преосвященного Макария был составлен особый церемониал. Вот краткая цитата из него: «18 октября 1895 года, накануне дня освящения новостроящегося кафедрального собора в г. Оренбурге в три часа пополудни открывается благовест в большой колокол с колокольни Введенского (зимнего) кафедрального собора к торжественному перенесению Святых Мощей и антиминса в новосозданный соборный храм. Причт собора и Кладбищенской церкви с хором соборных певчих в крестном ходе совершают перенесение Святых Мощей и антиминса при торжественном звоне колоколов с трех соборов: Новосозданного, Введенского, Преображенского и всех лежащих на пути крестного хода церквей».

Весной 1897 года представители соборного коми-

тета обратились к начальнику гарнизона г. Оренбурга с просьбой «не отказать в распоряжении о присылке к новому Казанскому собору 200 человек низших чинов для поднятия двух колоколов на этот собор». Оренбургские газеты на этот раз оказались немногословными: «В воскресенье 30 марта после богослужения были подняты колокола на колокольню Казанского кафедрального собора, снятые с прежнего соборика. Наибольший из них весом 207 пудов отлит еще в 1859 году на самарском заводе. Стечение народа было значительное».

Всего на соборной звоннице разместилось около пятнадцати колоколов.

«ПРИ ДРУЖНОМ ЕДИНЕНИИ...»

В фондах Оренбургской духовной консистории, Оренбургского духовного правления, хранящихся в облгосархиве имеется немало любопытных сведений о колоколах местных храмов. Перелистаем некоторые из них.

Священник села Гасвицкого Алексей Богданов в марте 1840 года писал Благодичному г. Бузулука протоиерею Василию Тихомирову: «1835 года в декабре Благодичный села Васильевки приехал в село Гасвицкое, привез с собою мастера Вятской губернии города Елабуги мещанина Ивана Пономарева. Призвал всех священно и церковнослужителей в дом священника Ильинского в числе коих и рекомендовал того мастера как человека честного поведения и отлично знающего свое дело, убеждал и склонил всех к тому, чтобы разбитый колокол отдать ему для перелития. По какому-то тайному предчувствию я долго не соглашался на это, но одному мне против всех устоять было невозможно. Помещица инженер-майорша Анна Новосельцева прислала людей - своих крепостных крестьян, которые сняли с колокольни разбитый колокол в двадцать пудов и десять фунтов, отвезли его в Бугурусланского уезда деревню Ключи к упомянутому мастеру для переливки».

Мастер Пономарев оставил расписку: «1835 года де-

кабря 18 нижеподписавшийся мещанин Пономарев в том, что условился с Оренбургской губернии Бузулукского уезда села Гасвицкого священноцерковнослужителями и мирскими людьми в перелитии колокола двадцатипудового. Ценою за перелив за каждый пуд по сорока два рубля; оной вылить колокол весом в двадцать пять пудов с их доставкой до деревни Ключей и обратно в село Гасвицкое. Если окажется оный колокол нечист или глух, то перелить снова. Денег в задаток получил шестнадцать рублей...»

Для выкупа колокола в марте 1836 года заняли двести десять рублей, но мастера и след простыл.

Вместо пропавшего колокола церковнослужители

[illegible]

Указ Казанской духовной консистории (которой сначала подчинялось духовенство Оренбургской губернии) от 7 апреля 1767 г. о запрещении священнослужителям переливать колокола без благословения Его Преосвященства

Троицкой церкви, как они сами признались, «жалеея о церкви, лишившейся своего украшения, решились в 1839 году сделать складку собственных денег - кто сколько может и имея в том пособие - пожертвование вдовы Стефаниды Симеоновой - купили новый весом в 24 пуда и 30 фунтов, за который заплачено денег 1038 рублей 50 копеек».

Узнав об этом Его Преосвященство митрополит Оренбургский и Уфимский в декабре 1840 года решил сообщить в магистрат г. Елабуги «дабы благоволено было, если означенный мещанин Пономарев находится в их обществе, отобрать от него объяснение о взятии им для переливки колокола и не возвращенном к месту своему».

Через пять месяцев в Оренбургской духовной консистории получили «объяснение» Ивана Пономарева: «действительно, я от жителей Бузулукского уезда села Гасвицкого получил для переливки колокол, который и был мною перелит, но по неизвестной мне причине приезжающими из того села крестьянами оный не был принят, который и был мною переменен помещику Пынчеву, почему обязуюсь взятый мною колокол из полученной от помещика Пынчева меди вылить непременно к 1 июля сего года...» Но и в марте 1842 года колокол в Троицкую церковь доставлен не был, так как И. Пономарев умер...

Благочинный упраздненного г. Сергиевска Бугурус-ланского уезда священник Добрынин в рапорте Епископу Оренбургскому и Уфимскому Иосифу 1 ноября 1850 года сообщал: «Священноцерковнослужители упраздненного г. Сергиевска Благовещенской церкви рапортом от 30 октября донесли, что Сергиевский 3-ей гильдии купец Игнатий Зеленский постоянно благотворивший упомянутой церкви ныне 24 сентября пожертвовал в оную колокол во 100 пудов и 6 фунтов, стоящий 4 200 рублей ассигнациями и просят ходатайствовать пред Епархиальным начальством о награде купцу Зеленскому за его пожертвования».

Члены-же Оренбургской Духовной консистории прежде всего запросили в Самарском магистрате све-

дения о купце И. Зеленском, в частности, «не был - ли купец под судом и в штрафах». Несмотря на то, что в 1846 году купец был оштрафован за порубку леса в дачах г. Сергиевска, весной 1854 года в благодарность за пожертвования на церковь он получил от Священного Правительствующего Синода «благословение».

Высочайшим указом от 7 августа 1851 года в России установлен «мятельный звон при сельских церквях». Особо определялось: «

а) во время выюг и мятелей учреждается в селах по согласию сельского начальства с церковным причтом, охранительный для путешествующих мятельный звон, который продолжается днем и ночью до тех пор пока буря не стихнет;

б) для отличия церковного благовеста и от пожарного набата мятельный звон производится не постоянно, но перерывисто с некоторым промежутком времени;

в) для производства мятельного звона местное начальство назначает несколько человек на помощь церковному сторожу для удобства и безопасности.

Указ этот «состоялся вследствие гибели большого числа людей, причиненной необычайной снежной бурей, свирепствовавшей в конце ноября 1850 года» в центральных российских губерниях, где «некоторые из погибших замерзли при своих селениях от того, что за совершенною темнотою от мятели потеряли дорогу».

Оренбургский губернатор В.И. Ершов зимой 1892 года получив напоминание о том, что «колокольный звон составляет главное средство для предупреждения несчастий как во время туманов, так и во время мятелей» и «в виду того, что Оренбургская губерния, благодаря своему географическому положению особенно часто подвергается буранам и мятелям», сделал очередное распоряжение «чтобы сельские и хуторские власти губернии точно и неуклонно исполняли указ «О мятельном звоне». Проинформировав об этом Преосвященнейшего Макария Епископа Оренбургского и Уральского, он просил «не отказать в распоряжении о содействии местного духовенства к исполнению указа».

К сожалению, пока выявлено очень мало документов

по истории колоколов храмов, находящихся за пределами губернского центра.

Повествуя о церкви с. Архангельское Оренбургского уезда (ныне Оренбургский р-н) священник А. Пинегин пишет: «Построение храма началось в 1860-1861 годах. Освящение совершено 8 сентября 1864 года. Утварь церковная и облачения были очень бедны. Висевший на колокольне единственный колокольчик в несколько фунтов едва был слышен местным прихожанам. В таком виде в 1869 году церковь обзирал Преосвященный Оренбургский и Уральский Митрофан. С этого времени дело благоустройства храма быстро продвигается вперед. В 1870 году на заводе купца Арсения Минина в г. Бузулуке были заказаны три колокола: 1 – в 65 пудов 2 фунта, 2 – в 5 пудов 25 фунтов, 3 – в 1 пуд 39 фунтов на средства, полученные в течение нескольких лет от общественных заповешек земли в пользу церкви. В 1871 году февраля 7 дня колокола благополучно были доставлены и к всеобщей радости прихожан повешены на колокольне. Первый удар в большой колокол благозвучно и плавно пронесшийся по архангельской веси тихо замер в горах, но он не замер в добрых сердцах прихожан...»

Летом 1885 года загорелась в г. Орске в так называемой «Ташкентской» слободке деревянная церковь и загорелась с колокольни. Очевидец свидетельствовал: «Церковь истеплилась как свеча, до основания. Жар был настолько силен, что колокола все не только потрескались, но и медь расплавилась, кроме одного небольшого колокола, упавшего на землю в начале...»

Убеждая жителей с. Покровское (ныне Новосергиевский р-н) в необходимости перестройки местной церкви, корреспондент газеты «Оренбургский листок» Г. Ивуков весной 1891 года писал: «Храм у покровцев деревянный и пришел в ветхость, он построен в 1838 году. Колокол, висевший на колокольне весом около 40 пудов во время благовеста производит сотрясение колокольни – это не совсем безопасно...»

«Оренбургские губернские ведомости» в 1897 году сообщали:

«Отставной урядник Городищенской станицы Алек-

Храм Покрова Божией Матери, построен в 1843 г.
с.Покровка Новосергиевского района

сей Тимофеевич Титов пожертвовал колокол весом в 2 пуда 16 фунтов для церкви, вновь строящейся в лагере 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска на речке Черной».

В первые осенние дни 1910 года «Оренбургская газета» поместила корреспонденцию прихожанина храма станицы Гирьяльской Орского уезда (теперь это Беляевский р-н): «На днях в нашем поселке было совершенно поднятие колоколов на вновь выстроенную церковь по имени Святого Николая Чудотворца.

Перед поднятием колокола 22 августа три дня стояли скверные ветреные дни, да и в день поднятия погода была плохая, а потому присутствовало мало посторонних людей, все больше свои.

После обычного молебна и окропления святой водой большой колокол весом 70 пудов 34 фунта был укреплен канатами, взятыми у местных паромщиков и, благословясь, началось поднятие.

Едва успел колокол подняться от земли на 4 аршина как вдруг канат лопнул и колокол грохнулся оземь.

Несчастий с людьми не было. Колокол цел. Пошло

в толпе брожение и разговоры, что лучше остановить поднятие до другого раза, когда найдется лучший канат, но не растерявшийся подрядчик Нагорнов приспособил опять оборвавшийся канат и уверяя всех в помощи Божьей, настоял на поднятии.

Начали поднимать... Сердце содрогалось, так и думалось: а вдруг да еще раз оборвется - все пропало. Колокол стоит 1500 рублей, сумма не малая.

Колокол поднимался все выше, выше и вдруг, когда он входил уже в окно колокольни, раздались крики: «Канат оборвался, канат оборвался! Сейчас упадет!..» и действительно, в другом месте канат почти перервался и держался каким-то чудом. Сообразительный подрядчик Нагорнов и тут не растерялся: он крикнул бывшим на колокольне людям, чтобы колокол запасными веревками крепили к колокольне; так и сделали, и после этого благополучно на оборванном канате подняли колокол на место».

Оренбуржье с давних пор населяли люди различных национальностей и вероисповеданий.

Священник Инзерского молитвенного дома в рапорте благочинному 12-го округа Оренбургской епархии 15 ноября 1895 году писал:

«... управляющий Инзерским заводом Диц по происхождению немец, лютеранин нередко кощунствует над религиозными обрядами Православной Церкви. На Святую Пасху он воспретил трезвонить в колокола и, когда его не стали слушать православные, то он прогнал всех с колокольни и обрезал веревки у языков колоколов. Такое насилие господина Дица над религиозными обычаями Православной Церкви произвело на всех удручающее впечатление, но желая усмирить возмущение прихожан, я ради великого праздника Пасхи уговорил последних простить поступок Дица, в надежде, что более он не повторит подобного. Но между тем недавно в храмовой праздник 25 сентября Диц запретил ходить с крестом, а рабочим велел выходить на работу, говоря, что праздника нет. Мне священнику угрожает лишением квартиры. Вообще Диц стесняет религиозные желания прихожан, претендует на звон колоколов, у которых отобрал

языки и спрятал неизвестно куда, почему и звон в оные по сие время не производится...

Обращаясь в оренбургскую духовную консисторию, благочинный просил «дать ход» рапорту священника Иванова для привлечения Дица к законной ответственности «за подобные, пожалуй, небывалые поступки в Православной России».

Но из Троицкого окружного суда летом 1896 года в Оренбургскую духовную консисторию пришло сообщение о прекращении производства дела по обвинению инженера Г.Е. Дица «в силу Всемилостивейшего Манифеста 14 мая 1896 года». И тогда Епископ Оренбургский и Уральский Владимир обратился в Правительствующий Синод с просьбой о защите Православной Церкви и духовенства в Инзерском заводе от «различных посягательств Дица».

Видимо, узнав об этом, управляющий Инзерскими чугуноплавильными заводами дворянина Сергея Павловича Фон-Дервиз в Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии горный инженер Генрих Егорович Диц (родившийся в России немец) счел необходимым написать Его Преосвященству Епископу Оренбургскому и Уральскому довольно пространное объяснение: «в 1893 году по моему ходатайству Епископ Макарий назначил в Инзерский завод священника учителя для совершения духовных треб, а также для занятий с детьми школьного возраста заводского населения в основанной в тоже время церковно-приходской школе. К тому времени был выстроен в Инзерском заводе молитвенный дом. До тех пор не было ни школы, ни постоянной церковной службы... Основание прихода и школы было вызвано желанием с моей стороны дать местному населению возможность к удовлетворению своих духовных потребностей и я поэтому просил назначить такого священника, который был бы духовным отцом и руководителем в нравственных и религиозных вопросах для местного населения. Назначенный вследствие этого ходатайства священник А. Поляков далеко не удовлетворял этим качествам.

... Я в бытность свою в конце 1894 года в Оренбурге просил преосвященного Макария о замене Полякова дру-

гим священником. Возвратившись в Инзерский завод я застал там священника А. Иванова.

В 1894 году владельцем завода было разрешено мне ходатайствовать о разрешении на постройку в Инзерском заводе на средства завода постоянной церкви, в январе 1895 года владельцем завода было прислано из Москвы около 100 пудов колоколов для церкви. Перед Пасхой священник Иванов обратился ко мне с просьбой устроить на площади временную звонницу и повесить на ней, хранившиеся до той поры в заводских складах колокола. Просьба была мною исполнена и колокола повешены.

Со второго дня Пасхи пьяные заводские мастера-вые начали вместо пасхального звона производить на звоннице разные безобразия: наигрывая на колоколах плясовые песни и прочее, звонница была устроена на площади против моих окон и я несколько раз посылал на звонницу сказать, чтобы прекратили безобразия, когда же это не помогло, то я в сопровождении двух своих сослуживцев отправился на звонницу и отвязал веревки от языков колоколов. Я считал для себя обязательным прекращение непристойного звона и думаю, что всякий истинный христианин сделал бы на моем месте то же самое.

Священник Иванов, однако, нашел в этом какое-то богохульство. Приводя это чистосердечное объяснение, осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Преосвященство о замене Иванова другим священником в интересах Церкви и местного населения. При этом осмеливаюсь еще раз высказать, что с одной стороны я постоянно стремился и теперь стремлюсь не к возбуждению неприязни, а к тому, чтобы среди других сторон жизни, руководить которой я призван в вверенном мне заводе, и религиозно-нравственным нуждам было бы оказано должное внимание».

Чуть позже Г. Диц прислал в Оренбургскую духовную консисторию еще одно письмо с сообщением о значительном повышении жалования священнику, после чего Епископ Оренбургский и Уральский отправил в Синод просьбу «Об оставлении без последствий ходатайства

о защите Православной Церкви и духовенства в Инзерском заводе».

И все же обер-прокурор Святейшего Синода по согласованию с оренбургским губернатором генерал-майором Ершовым сделал указание о проведении дознания. В результате был сделан вывод, что «вызывающие поступки управляющего Дица возникли, главным образом, на почве личных неприязненных отношений его с местным духовенством и не имеют характера принципиальной вражды к православию». Тем не менее «для предотвращения неуместного вмешательства заводского управления в церковные и школьные дела им сделано надлежащее предложение владельцу завода и должное внушение управляющему Фон-Дицу».

В ходе поиска материалов о колоколах православных оренбургских храмов, встретился документ о их обратях из лютеранской кирхи, относящийся к 1897 году:

«В воскресенье 9 ноября в 12 часов дня в евангелическо-лютеранской церкви Святой Екатерины происходило поднятие двух новых стальных колоколов, заказанных для этой церкви на одном из сталелитейных заводов за границей, а именно в германской провинции Вестфалии. Как известно, евангелическо-лютеранская церковь в Оренбурге, построенная в 1776 году в царствование императрицы Екатерины II по недостатку средств не имела до сих пор ни одного колокола и вот в настоящем году мечта всех прихожан, наконец, осуществилась.

Мысль о приобретении колоколов зародилась среди прихожан еще в 1895 году, тогда церковным советом постановлено было приступить к сбору пожертвований.

По немногочисленности прихожан, собранных от них денег было слишком недостаточно на приобретение даже одного, хотя бы небольшого колокола, а потому пришлось прибегнуть к помощи добровольных пожертвований других вероисповеданий и, таким образом, сбор на колокол достиг через 2 года необходимой суммы. Всего собрано было 330 рублей, в том числе от немцев 100 рублей 45 копеек и от русских (преимущественно купцов) 229 рублей 55 копеек.

При обсуждении вопроса о том, где и какие колоко-

ла следует заказывать, церковный совет остановился на мысли о заказе за границей стальных колоколов, которые по своей прочности и звуку ничуть не уступают медным колоколам, по стоимости вдвое дешевле, а потому даже при небольших средствах есть возможность иметь довольно большой колокол. Заказанные колокола весят 34 пуда и обошлись при заказе на заводе по 9 рублей 70 копеек с пуда, а с доставкой в Оренбург и с уплатой таможенных пошлин – по 13 рублей 67 копеек, тогда как такие же медные колокола стоили бы с доставкой не дешевле 20 рублей с пуда.

Новые колокола подвешены на деревянных стропилах в глубине церковного двора и были освящены после церковной службы пастором Чахмахсазианцем при подобающем случаю молитвословии. После молитвы о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома, пастор обратился к прихожанам с пространном словом о великом значении для церкви колоколов и о том, как при малых средствах, но при дружном единении можно многое сделать».

Порой на страницах местных периодических изданий соседствовали совершенно противоположные сообщения о колоколах.

Хроникер «Оренбургской газеты» в июне 1913 года огорчился: «С колокольни Духовной семинарии украли 3 колокола». Через 10 дней вор (рядовой Оренбургско-

Духовная семинария

го дисциплинарного батальона) был пойман. Виновных в покупке и сбыте краденных колоколов мещан тоже задержали, но колокола уже были проданы «какому-то приезжему из уезда крестьянину».

Чуть позже та же газета радовала читателей объявлением о подъеме колокола в 100 пудов на храм Никольского мужского скита (ныне Новосергиевский р-н). Несколько ранее стопудовый колокол украсил храм поселка Нежинского (теперь Оренбургский р-н).

В годы первой мировой войны «Оренбургская газета» в разделе «За рубежом» информировала: «Из Женевы сообщают, что австрийское правительство решило воспользоваться для снарядов колоколом собора Святого Стефана в г. Вене. Колокол весит 20 тонн».

«ГЛАСОМ БОЖЬИМ НАЗЫВАЕТ ЕГО НАРОД...»

Церковные колокола скрашивали жизнь оренбуржцев в дни печали и радовались вместе с ними в счастливые времена.

Осенью 1877 года орский городской голова принял решение о праздновании «как должно» по поводу взятия российскими войсками города Плевны. Он прежде всего обратился к местному причту с просьбой «отправить благодарственный молебен со звоном во весь день. Причт обещался исполнить просьбу головы, но только наполовину, т.е. отправить молебен без звона, на что требовалось архиерейское разрешение. Тогда голова немедленно обратился с той же просьбой к преосвященному по телеграфу и на другой день получил с нетерпением ожидаемое разрешение.... Звон в большой колокол привлек в церковь большие массы народа. Церковное торжество продолжалось во весь день и звон не умолкал до вечера».

«Оренбургские губернские ведомости» в 1895 году сообщали:

«Преосвященный Макарий 2 ноября отбыл к месту

нового своего служения в г.Калугу. Владыка управлял Оренбургской епархией более 9 лет, в своих действиях отличался добротой и снисходительностью, много помогал жителям частным образом и как член местных благотворительных обществ. В день отъезда глубокочтимого Архипастыря около 11 часов вечера колокольный звон всех городских церквей возвестил жителям об отъезде Владыки. Несмотря на поздний час на дебаркадере железной дороги собрались все высшие и военные власти, масса народа, жаждавшего получить прощальное благословение Макария».

Местный житель весной 1896 года писал: «Канун праздника Пасхи. Люд крещенный, люд православный спешит, торопится, готовится к светлому празднику. Везде чистка, мытье, стряпанье... Но вот дрогнул гулкий семисотпудовый колокол Нового собора. Долгожданный день настал. Разом во всех церквах откликнулись «большие» колокола и окрестность загудела торжественным пасхальным призывом».

Согласно архивным материалам 1896 года «Дни Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны вышли все-народным праздником и заняли почти неделю, особенно же 14, 15 и 16 мая. Еще 13 мая накануне дня Священного Коронования всенощное богослужение в кафедральном соборе и во всех прочих храмах привлекло массы молящихся. В 2 часа дня послышались вестовые пушечные выстрелы, загудели колокола всех церквей и к кафедральному собору потекли ручьи верноподданного народа всех наций и вероисповеданий», а в день восшествия на престол Николая II - 21 октября 1896 года «все храмы города Оренбурга были переполнены молящимися, у собора состоялся воинский парад. Дома были «расцвечены» флагами, вечером горели цветные фонари. Колокольный звон производили до самой вечерни».

Очевидец революционных событий 95 лет назад информировал: «Девятнадцатое число октября 1906 года нужно считать днем восстановления в Оренбурге народного успокоения. В этот день многочисленная толпа ус-

троила по городским улицам шествие с красными флагами, врученными уличным мальчикам, другая же менее многочисленная толпа с иконами и портретами Государя Императора вмешалась в первую». Шествие остановилось на соборной площади, куда потребована была обносимая по домам соборным причтом Табынская икона Богоматери для служения молебна. При появлении всеми чтимой святой иконы народ обнажил головы, наступила мертвая тишина. Из толпы выдвинулись человек 20 любителей церковного пения, которые стройно и громогласно выкрикивали: «Пресвятая Богородица спаси нас». В конце молебна, по возгласению дьякона, народ пал на колени, а священник во всеуслышанье прочитал известную молитву за царя, военачальников, градоначальников, христолюбивое воинство и всех православных христиан, затем, провозглашено было царское много-

Петропавловская церковь

летие, и почти весь народ грянул «Многая лета». На соборной звоннице раздался звон колоколов, которому последовали и соседние колокольни церквей Петропавловской (находилась на углу современных улиц Краснознаменной и Советской – Т.С.) и Вознесенской (располагалась на Гостином дворе – Т.С.). Народ потребовал дальнейшего шествия с Чудотворной иконой и портретами Государя по Николаевской (теперь ул. Советская – Т.С.) улице к городскому бульвару. Образовался крестный ход. По мере дальнейшего движения толпа еще больше увеличилась, а красные флаги значительно уменьшились. Шествие сопровождалось всенародным пением «Спаси Господи люди твоя» и русским гимном «Боже царя храни». По пути к бульвару совершены были молебствия против Вознесенской церкви, на Думской площади у памятника Александру I против здания 2-го кадетского корпуса (т.е. там, где ныне сквер напротив школы № 30 – Т.С.); затем крестный ход при колокольном звоне направился на «Толкучий рынок», к архиерейскому дому (сейчас в этом здании медсанчасть «Оренбургнефти», в просторечии «архирейка») и Караван-Сараю – квартире оренбургского губернатора. Красные флаги мало по-малу совершенно исчезли, взволнованное обывательское море успокоилось, и жизнь Оренбурга вошла в обычную колею».

Немало поэтических произведений посвящено церковным колоколам.

«Оренбургские Епархиальные ведомости» в 1889 году напечатали стихотворение:

«Красный колокольный звон».

*Как отрадно слышать верным
Красный колокольный звон.
Звуком громким, стройным, мерным
Всем напоминает он:*

*Божий праздник. Божью милость,
Весь спасительный завет,
Как на свете сем явилось*

Избавление от бед.

*Он победу возвещает
Сына Божьего над злом.
В нас надежду он вселяет
Вечно жить с одним добром.*

*С нами Бога пребыванье
Означает этот звон.
Словно в небе ликованье
Наше сердце слышит в нем,*

*Наших им царей встречаем,
Архипастрей им чтим,
Торжества все величаем,
Блеска придавая им.*

*Наши праздники всехвальны,
Им возвышены вполне.
Светлы самы дни пасхальны
Им украшены везде.*

*Звон церковный что заменит
Слуху верных христиан!
С ним сравняться не посмеет
Сладкогласный и орган.*

*Он к молитве призывает
Всюду христианский род;
Гласом Божьим называет
Русский наш его народ».*

Автор, скрывшийся за инициалами «М.Е.О. и У.» – никто иной как епископ Оренбургский и Уральский Макарий.

Осенью 1915 года на страницах газеты «Оренбургс-

Архиерейский дом

кое слово» опубликовано стихотворение некоего Воротынского, оно звучит уже иначе:

«Колокол»

Медь и золото дарили,
Серебро колец венчальных,
Чтобы колокол отлили
Для призывных волн печальных.

И торжественно-глагольный
Раздавался звон бодрящий,
Звон вседневный, колокольный,
Звон до неба доходящий.
Все кто сердцем чистым верил,
Кто в душе носил тревогу,
Кто всю глубь тоски измерил, -
Шли на звон молиться Богу.

Но из мрака бездны адской

Выплыл бог войны лукавый,
Брызнул морем крови братской
И раздул пожар кровавый...

Гром безумный, гром орудий
Заглушает звон молитвы.
Вместо колокола люди
Слышат стон великой битвы...»

Революционной осенью 1917 года газета «Оренбургская жизнь» предложила читателям легенду в стихах А. Вармуж:

«Набат»

В час, когда покою ночи
Монастырь весь отдавался,
И за древними стенами
Выла вьюга, вдруг раздался
Гул набата: три удара...
Всполошились монахи -
И бегут, давя друг друга,
К настоятелю все в страхе.
«Отче! Отче!» - «Знаю, дети...
Это Божье чудо было!
Это славная десница
Преподобного звонила!
По преданью, так бывало
Всякий раз, когда Россия,
Наша мать переживала
Испытания роковые...
Совершая дело жизни,
Кроме Бога, преподобный
Предан был Руси душою
Величавой и незлобной...
Пусть же ярче засияет,

Новой славой его имя!» -
Долу иноки упали
И седой игумен с ними...
Тихо. Молятся монахи...
Помоляся, не тревожа
Старца, тихо идут в кельи
На покинутые ложа,
И в ушах еще их долго
Звон чудесный раздавался...
На молитве у иконы
Лишь игумен остается...
О страдающей Отчизне
Он несет Творцу моления...
И приходят тихо-тихо
Полуночные мгновенья.
За стенами буря вьется...
Вдруг... Что это? Снова чудо?!
Издалека звон несется.
Старец слушает – откуда?
Будто с севера. Вот с юга!
Вот от запада!.. С востока!..
Неожиданно прозрело
Старца внутреннее око,
Зрит он, слышит неземные
Тени, звуки. В Петрограде
Бьет набат угодник в лавре;
Отвечают в Новеграде...
Радонежский чудотворец
Князю вторит под Москвою,
А в Кремле золотоглавом –
Патриархи с Калитою...
Звон из Нижнего несется:
Сухорукий Минин старый
Шлет во все концы оттуда
За ударами удары...
С берегов Днепра Седого
Льются звуки призывные:
Там звонит Владимир Солнце
И печерские святые...
Из Сибири идут звуки:

Там гремят мечи, колчаны,
Там, за Русь в тревоге, встали
Удалые атаманы...
От Урала и от Дона,
Ото всех концов, где живы
Люди русские, несутся
Колокольные призывы...
Меркнут тени, умирают
Звуки; скрылось виденье...
Но игумену понятно
Чуда тайное значенье...
Это в наше лихолетье,
В годы брани и тревоги,
Созидатели России,
Почивающие в Боге,
Из «незримого далека»
Шлют призывы нам, укоры...
Говорят они: «Забудьте;
Своеволие и раздоры!
Кроме выгоды, покоя,
Самолюбья, гидры-тела
Есть Отчизна! Есть живое
Историческое дело!
Есть заветные святыни:
Честь Руси, ея свобода, -
Драгоценнейшие блага,
Приобретения рода!
Ими пламенно горела
Русь гробов – отцы и дети...
Ваша воля, ваша слава,
Их страданья и победы...
И сокровища такие
Получили вы безданно...
Передайте же потомкам
Их наследие сохранно!
Передайте и прибыток, -
То, что ныне, как светило,
Ваши чувства, ваши мысли
Лучезарно озарило!
Новоявленное чудо –

Светочъ жизни не гасите
И свободы колесницу
От обрыва удалите...
Или - горькое паденье...
Рабства тягостное бремя
И позорное: «Холопы»
Обездолят ваше племя...
И не мраморные глыбы,
Не эмблемы чести, силы,
Омерзение отметит
Ваши поздние могилы...
Оплюют и обезславят
Ваши гробы дети, внуки»,
Вот о чем они вещали
Духовидцу, тени, звуки...
Если ты душою русский
И к Руси любовью дышишь, -
Эти тени, звуки ныне
Ты увидишь и услышишь».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

НА
ИЗДАНІЯ В. М. СКВОРЦОВА:

Ежедневную Политическую, Общественную и Церковную
Газету

КОЛОКОЛЬ XIIг. изд. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
ВЪ ГОДЪ На 1 г. Пол. 1 мѣс.
365 №№ 8 р. 4 р. 50к. 75к

Основные начала программы и содержания «Колокола» останутся и в новом году неизменными, какъ прежде в течение одиннадцати лѣтъ.

Объявления о подписке

«КОЛОКОЛА – В ФОНД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ...»

Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 2 января 1918 года церковь была отделена от государства. Небывалая засуха 20-х годов в Поволжье и ряде других регионов страны создала угрозу голодной смерти для миллионов людей. Понадобились средства для закупки хлеба за границей, а их у Республики Советов не было. И возникла идея использовать для этой цели часть ценностей, сосредоточенных в храмах - ВЦИК издал 23 февраля 1922 года декрет об изъятии из церковного имущества тех предметов, отсутствие которых не может существенно затронуть сам культ... В марте 1925 года Оренбургский Губисполком «разрешил передать пожарным частям пять колоколов весом в 16 пудов 17 фунтов, изъятых из церквей».

В газете «Советская степь» (печатный орган Киргизского республиканского комитета РКП(б) и Оренбургского РКП(б)) 13 января 1925 года (г. Оренбург был тогда столицей Киргизии, так прежде назывался Казахстан) в разделе «Рабочая жизнь» автор заметки «Под звон монастырских колоколов» писал: «6 января в бывшем женском монастыре, в помещении, где монашки раньше работали под пение молитв, собрались воспитанники детского городка. Представитель губернского отдела про-

Оренбургский Успенский женский монастырь

свещения сделал доклад «Как родятся, живут и умирают боги». Потом шел спектакль, устроенный силами пионеров. Под звон монастырских колоколов открыли детские игры...»

Печатный орган оренбургского губкома ВКП(б), губисполкома и губпрофсовета газета «Смычка» в январе 1927 года обнародовала довольно любопытный рассказ Д. Владимирского «Барский колокол». Предлагаю его вниманию современных читателей почти без купюр:

«Село Ильинское по горе раскинулось. На целую версту тянется улица в два порядка. Мужики в Ильинском зажиточные дружные, не то, что в соседних селах.

Ильинские мужики не то – любят свое село, гордятся им.

- Наше село всем селам – село. Церковь то у нас, что твой Иван Великий – одна колокольня чего стоит, за десять верст видать. А барский дом у нас сама матушка Катерина строила... не дом, а дворец. Это уж потом он перешел к барину Строилову. Да и святынями наше село не обижено – святой колодец сам батюшка Александр Свирский преподобный посетил...

Но главной гордостью Ильинских мужиков был колокол. Еще при крепостном праве повесил этот колокол богомольный барин. Рассказывали старики:

- Задумал барин женить своего сына, а колокол-то был тогда у нас неважный. Бывало, звонят, а его и за пять верст не слышно. Вот барин-то и говорит: «Как, мол, так, чтобы я своего сына женил, да чтобы без порядочного звона?»

Ну и отлили на заказ. Всем миром от губернского города везли. Недели две вся округа работала... За то как выводили молодых из церкви, как зазвонили, так на что далеко Тютюково и то услышали... Все на 15 верст знали в кою минуту венчанье свершилось.

Не одно село не могло сравниться с Ильинским по звону. Бывало, как зазвонят часа в четыре утра в воскресенье, или в двенадцатый к заутрене, как загудит, завоет в ночной тишине звонкая медь, как начнет бить волнами звуков по лесу. Заходят звоны, заушают, польются сплошным зыком... у-у-у-у-!!!

Так где слышно.

Гордились ильинские своим колоколом.

Много, много годов прошло с тех пор, как барин на Ильинскую колокольню колокол повесил. Не одно поколение в Ильинском сменилось. Рожали да хоронили под звон колокола барского.

Кровавым вихрем прокрутились годы страшной войны над селом. Вырвали много молодых мужиков из теплых крепких хат. Бросили вихри кровавые ильинских мужиков умирать на равнинах Галиции, в кручи Карпатские, в топкие болота белорусские.

Растрясли, раскачали Ильинское удары революции. В восемнадцатом да девятнадцатом опять много ушло из Ильинского мужиков. Ушли драться с помещиками, с офицерами за волю да за землю крестьянскую.

А барский колокол как ни в чем не бывало по-старому гудел над селом. Как и раньше перекликался он с лесным привольем, будил лесную дрему бархатным рокотом.

Плясали звоны барского колокола над крестьянскими полями да хатами.

Улеглись, успокоились громы военные. Как будто-бы и по-старому пошла жизнь в Ильинском. Также по праздникам собираются мужики посидеть возле ограды церковной, также гудит и заливается барский колокол. Но нет уже того, что было раньше.

- Раньше Степаныч двадцать лет бессменно церковным сторожем был. Звонил то как! Заслушаешься, а теперь вон пришлось нанять Афоню дурачка... Разве сравнишь со Степанычем. И что это с ним стряслось, ведь какой крепкий старик был... умер...

- Умирают старики... А молодежь что? Звонить-то и то путем не умеет.

В Пасху в Ильинское со всех соседних деревень молодежь гулять приходила. Так уж заведено было. Придет молодежь, днем угостятся у ильинских ребят и на колокольню. Жарят во все колокола до самой ночи, а всего больше дуют в большой барский колокол, на то и Пасха, чтобы позвонить.

В этом году тоже не мало молодежи пришло в Ильинское. Вечером комсомольцы спектакль затеяли, а до

вечера чего делать? – На колокольню.

Стоном, стонут колокола ильинские. Гудят...! Радуются старики.

Вот поди-ты, как не говори, а старинка-то она матушка всегда будет жить. Мы звонили молодыми и теперь. Гляди как наяривают... Знай наших.

Отзвонило Ильинское Пасху. Потешилась и молодежь. Порадовались старики, а на фоминой полез дурачок Афоня к обедне звонить, раскачал язык у колокола, ударил, а колокол, вместо густого, сильного звука: дз-з-з!!!

Раз-два ударил Афоня. Дребезжит колокол. Покачал головой дурачок, походил возле колокола. Махнул рукой и перешел к другому, к меньшему, в который постом великим звонил.

Собрались у ограды мужики. Голову вверх задирают. Не поймут в чем дело. Почему Афоня звонит в маленький колокол. Попа остановили и спрашивают:

- Отец Сергей, ты что-ли велел Афоне в маленький бить?

- Нет, нет... Я ничего не говорил ему!

- Чего-же он дурак там делает-то? Эй! Афоня!

- Афоня, Афоня!

- Эй, ты!

- Чего? – свесилась с колокольни голова Афони.

- Что ты там дурака то валяешь. Чай воскресенье сегодня, а ты в родительский звонишь.

- А-а-а! Все... отзвонился большой-то!

- Что-о-о?

- Отзвонился говорю!... Треснул...

И теперь нечем гордиться ильинским мужикам. Развалился старый барский дом. Затянулся грязью святой колодец. Не гудит над лесом барский колокол. Стало Ильинское как все села...».

Оренбуржцам, надеюсь, будет интересным знакомство с архивными документами, отражающими сложный для церкви «период борьбы с колокольным звоном». Идея запрещения колокольного звона и передачи колоколов на нужды промышленности возникла в конце двадцатых годов XX века. Оренбургская газета «Смычка» в декабре 1929 года сообщала: «Особенно сильно волна

требований запрещения звона и передачи колоколов прокатилась в нынешнем году, когда пятилетний план социалистического строительства поднял активность масс до небывалых размеров.

...Каждый трудящийся напрягает все силы на ускорение процесса социалистической стройки, встречая на пути затруднения, связанные с недостатком цветных металлов, обращает взор на колокола, бесцельно висающие на колокольнях церквей».

Накануне нового 1930 года общее собрание курсантов военной школы выступило с призывом к трудящимся города Оренбурга обсудить на своих собраниях вопрос о запрещении колокольного звона и передаче колоколов. «Колокола должны быть перелиты в машины и тракторы», - говорилось в нем.

Представители Оренбургского Союза воинствующих безбожников в рождественские дни выдвинули лозунг «не нарушайте отдыха трудящегося колокольным звоном!» Газета «Смычка», поддерживая безбожников опубликовала заметку «Против отдыха под воскресный колокольный звон»: «Нельзя не признать, что в деле ликвидации «воскресенья» не всё еще сделано. Характерно, что по школьной линии в районах округа воскресенье уже изгнано из обихода. Чтобы покончить с воскресением, все районы по соцсоревнованию решили отдыхать в те дни, в которые в данном селе приходится базар. Такова история смерти воскресенья в деревенской школе.

До введения сплошной непрерывки мы предлагаем днем отдыха в г. Оренбурге установить тот день недели, в который в январе 1919 года взвился красный флаг советской власти над Оренбургом. Как будто, этот день был среда...»

В редакцию газеты «Оренбургская коммуна» непрерывным потоком шли постановления общих собраний граждан о снятии колоколов с церквей, появилась рубрика «Против колокольного трезвона»: «Колхозникам колокольный звон не нужен, подавай нам тракторы - просили жители села Матвеевки Сорочинского района. Колокола были сданы в тракторный фонд. Матвеевцы вызва-

ли последовать их примеру жителей сел Старая Белогорка и Филипповка. «Долой бога и всех святых», - это цитата из заявления крестьян хуторов Бостанжогловского, Репного и Ягодного Покровского (ныне Новосергиевского) района, - Петр Великий переливал колокола на пушки, мы переплавим их на тракторы».

При этом читателям внушали, что запрещение колокольного звона и снятие колоколов нельзя рассматривать как гонение на религию, а просто «у нас в СССР лучшая часть населения рабочего класса и передового крестьянства, уже давно порвала с религией. Те, кто еще держится за религию... могут ходить молиться в церковь без звона, а по часам. Колокольный звон, когда большинство населения в нем не нуждается и в церковь не ходит, надо рассматривать как нарушение общественно-го порядка».

На общем собрании рабочих и служащих всех мукомольных предприятия г. Оренбурга и сотрудников конторы «Союзхлеб» 24 января 1930 года присутствовало около 300 человек. На повестке дня один вопрос - о задачах рабочего класса в связи с весенней посевной кампанией. В постановлении собрания особо оговаривается необходимость снятия всех колоколов с оренбургских церквей и переплавка «их на запасные части к тракторам».

«Колокола - на тракторы» - писал военный корреспондент «Смычки» Бурный: «Наша страна нуждается в металле. Нашим полям, покрываемым сплошными бедняцко-середняцкими колхозами, нужны сотни и тысячи тракторов. И в то время... на колокольных церквей совершенно бесполезно висят сотни тысяч драгоценного металла. На колокольных церквей Оренбурга бесцельно висит 10000 пудов металла. Мы требуем - снять колокола со всех церквей и пустить этот драгоценный металл на тракторы. Время покончить с колокольным звоном».

Представители школы № 22 обратились к землякам со следующим воззванием: «В центре чисто пролетарских окраин города, носящих заслуженные в гражданских боях названия Красного и Ленинского городков до сего времени - на 13-й год Октября позорным черным пят-

ном стоит очаг мракобесия и борьбы с новым бытом - церковь. Не может быть слияния заводских гудков, зовущих к социалистическому труду и звона колоколов, зовущих к старому темному прошлому. Школа как одна из передовых колонн социалистической культуры и нового быта призывает всех трудящихся присоединиться к требованию о закрытии церкви в Красном городке. А колокола по примеру уже многих трудящихся СССР отправим ни индустриализацию страны Советов».

«Мы наш, мы новый мир построим!» - под таким названием в окружной газете опубликована информация о пленуме Горсовета, состоявшемся 2 февраля 1930 года: «учитывая отсутствие в Оренбурге дома культуры и помещения для удовлетворения возросших культурных нужд трудящихся, учитывая наличие огромного количества полупустующих учреждений религиозного культа, пленум Городского Совета на основе требований рабочих коллективов и трудящихся города о закрытии церквей, мечетей, синагоги и о снятии колоколов, постановил: удовлетворить требования трудящихся - закрыть кафедральный собор, Вознесенскую, Преображенскую, Серафимовскую и Богословскую церкви, синагогу № 1, мечети на Арендованных местах, новой стройке, Карачах и при татпедтехникуме, а также снять колокола со всех церквей города и передать их в фонд постройки дома культуры в Оренбурге. Все здания закрытых церквей и мечетей передать под очаги культуры». Далее корреспондент «Смычки» продолжал: «Это постановление, встреченное бурными аплодисментами всех участников пленума должно быть в самом ближайшем будущем проведено в жизнь. Надо лишь детально разработать вопрос о наиболее целесообразном и рациональном использовании закрытых до сего времени 8 церквей, 6 мечетей и 2 синагог...»

Несмотря на буран, 350 жителей Аренды собрались 9 февраля 1930 года в помещении бывшей Архиерейской церкви «для слушания отчета горсовета». Был заслушан доклад о закрытии «части церквей» и снятии всех колоколов. После весьма оживленных прений большинство присутствующих (более 300 человек) «присоединились»

к постановлению пленума о закрытии собора, четырех церквей, четырех мечетей, синагоги и о передаче всех колоколов на нужды промышленности.

От города не отставала «советская, коллективизирующаяся» деревня. После выступления в клубе с.Гамалеевки Сорочинского района военного врача с помощью «ярких фактов, доказавшего вредность алкоголизма и религии», сельчане дали согласие на снятие колоколов.

Жители с.Тугустемир Троицкого (ныне Тюльганского) района совместно с рабочими стекольного завода, собравшись в день смерти Ленина, постановили: «снять все колокола с Никольской церкви (общий вес 4360 кг), передать их промышленности, а стоимость внести на приобретение тракторов».

Вошедшие в колхоз «Путь к коммуне» граждане с.Нестеровки Сорочинского района единогласно решили снять колокола с местного храма и «вызвали» все села района последовать их примеру.

В селе Новоникольском Шарлыкского района «порешили» снять колокола: 50% стоимости передать в счет задатков на тракторы, а 50% «употребить» на увеличение продовольственного фонда бедноты. В поселке Юртаевском пошли дальше - в фонд «тракторизации» передали не только колокола, но и всю церковную утварь.

Под заголовком «Оренбург избавляется от церковного звона» газета «Смычка» сообщила о том, что представители горсовета и общественных организаций 14 февраля 1930 года приступили к выполнению многочисленных требований трудящихся Оренбурга, оформленных пленумом горсовета в постановлении о снятии колоколов, передаче их нуждающимся в металле заводам и о закрытии церквей, мечетей, собора и синагоги № 1.

Тогда же в 1930 году на первой странице под рубрикой «Хлеб металлзаводам» публикуется фото - о подготовке к спуску колокола с Вознесенской церкви.

В своей замечательной работе «Улица вела к храму...» наш современник В.В.Дорофеев пишет о Вознесенской церкви: «...её еще именуют купеческою. Сначала она была маленькой, надвратной. Колокольня сто-

яла на вторых воротах Гостиного двора со стороны Введенской улицы (ныне ул. 9 Января). Потом церковь построили почти заново... значительно расширили, она стала с большой колокольной и уже не надвратной».

У нас есть как бы возможность присутствовать при снятии колоколов с Вознесенской церкви - сохранилось опять-таки свидетельство очевидца: «На Гостином дворе - людское скопище. «Паломники» с толчка, завсегдатаи уличных сцен, случайные прохожие и беспризорная голытьба.

Толпа накручивается как снежный ком. Сотни глаз устремлены на церковь. В амбразуре колокольни копошатся рабочие, чернеют лесенки, свисают канаты.

- С утра возятся и никак не могут изловчиться, - замечает деловито засаленный полушубок, - разве с таким инструментом возьмешь его окаянного, чай, не горшок сбросить!

- Ох, родненькие, сорвется, беды не оберешься, - в паническом ужасе говорит «рязанская баба».

- Ничего, кума, яичница будет - утешает её гражданин в заячем треухе.

- Осади назад! - отодвигает толпу вездесущий блюститель порядка.

Семипудовые «жены мирноносицы», прикрываясь концом пухового платка зловеще шепчутся: «Страсти Господни! Светопреставление! Не допусти, Владычица! Разрази нечестивых!»

Монашка «черничка» сообщает исподтишка о сезонном чуде: «В Москве снятые колокола вознеслись на небо. В Киеве колокольня стряхнула антихристовых мастеров. А в Сибири огонь Господний опалил безбожников.

- Брось трепать-то языком! Не мути головы! Довольно морочили нас своими чудесами, - вмешивается в разговор рабочий.

Христовы «делегатки» испуганно озираются и рассасываются в толпе.

- Чего это глазеет народ, аль пожар? - спрашивает новичок.

- Колокола лютят! - шутит присяжный остролов. Скрывшийся за инициалами «Т. Б.» оренбуржец ос-

тавил для нас репортаж о снятии колоколов с Казанского собора: «Как ни говори, может ни Бог, а какая-то сила над нами есть... почему-то ведь идет снег, а не дождь!? - говорит старуха.

- Ну, бабка, - авторитетно заявляет ей милиционер, - это сила науки.

- Наука! Много вы, с вашей наукой делаете. Вот letoшний год недород был и наука ваша ни при чем...

Толпа растет. Подходят все новые и новые люди, пялят глаза наверх - туда, где в небо седое и снежное вздымаются купола собора. Там на колокольнях чернеют фигуры нескольких рабочих, крепящих блоки для спуска колоколов.

- Дедушка мой участвовал в стройке этого собора... Лет тридцать назад это было, когда колокол отливали

Вид на ВОЗНЕСЕНСКУЮ ЦЕРКОВЬ с Гостиным двором (по современной ул. Советской). Начало XX века

вот здесь, - говорит один из зрителей и тычет пальцем в сторону, где из-под снега, близ железной ограды по ветру бьются тонкие ветви кустов.

- Молебны заказывали, колокола отливали купчихи с себя кольца и брошки золотые срывали - кидали в расплавленную медь. Там в колоколах не только медь, а и серебро для звона прибавлено... Богатство ведь, а без толку сколько времени пропадало...

- Когда-же снимут колокола эти?

- Шут их знает, с утра работают...

в порыве, когда-то богатой мантилье, такая же порывевшая и поблекшая женщина подхватывает:

- Вот при мне колокола-то ставили, в полчаса и подняли и укрепили, а тут ишь сколько возятся.

- Бог мешает... не хочет, чтобы колокола забрали, - вставляет в реплику рабочий и толпа хохочет.

- Перед страшным судом это, - шепчет, оглядываясь по сторонам старуха - я вот, милые мои, на эту церковь самую копейки давала.

Проходит рабочий, останавливается на минуту и смотрит на колокольню.

- а ну-ка, ребята, позвони в последний раз! - оборачиваясь к толпе, он говорит:

- Ну хорошо теперь, клуб будет хороший, да и близко ходить!

На колокольне рабочий, подвешивающий блок, ударил по колоколу и он надтреснуто загудел.

- Ишь плачет...

- Бросай! - крикнул кто-то и колокол в несколько сот пудов тяжестью грохнул на землю, зазвенел, расколовшись на несколько частей и под ударом заходила земля.

Около медных кусков колокола, впившихся в землю кучится уже тающая толпа...

- Наконец-то, выполнили требование наших собраний. Металла много. Тут в колоколах только с одного собора 1.800 пудов меди - это сколько тракторов выйдет!»

Не хочется верить в искренность слов: «Толпа смотрит спокойно, деловито, равнодушно на это небывалое

историческое зрелище...» И теперь мы знаем, что ошибался автор этих строк, провозглашая: «Мы являемся последними слушателями церковного «благовеста». Наши дети и внуки не будут слышать ни вечернего звона, нашего музыкальное отражение в дворянской поэзии, ни пасхального пьяного гвалта «сорока сороков», ни мрачных траурных мотивов, напутствующих человека в последний путь. Церкви немеют... Колокола отпевают самих себя и своих тысячелетних владык... Слышится последний похоронный звон.

Религия уходит в могилу. Но медь колоколов, крещенная в безбожной заводской купели, запоет могучий торжествующий гимн труда. На место умирающего «благовеста» колоколов идет величественный благовест машин».

На заседании президиума Оренбургского горсовета 5 апреля 1930 года принято постановление:

«1) Ввиду окончательного снятия колоколов и принятия Рудметаллторгом, но отказа последним оплаты их стоимости, мотивируя, что оплатит производство в централизованном порядке, а посему поручить Горфинчасти предъявить счет Рудметаллторгу о взносе причитающихся сумм.

2) Учитывая напряженность местного городского бюджета, а также необходимость постройки в городе дома культуры просить окрисполком о возбуждении ходатайства перед Крайисполкомом о передаче всех 100% вырученных кредитов за колокола в местный бюджет для постройки дома культуры...»

Не везде поспешили выполнять решения о снятии колоколов. Осенью 1931 года в «Оренбургской коммуне» автор небольшой заметки возмущался:

«Поселок Берды Оренбургского района коллективизирован на 97 процентов и несмотря на это по поселку до сих пор разносится колокольный звон. Колхоз «Ленинский луч» не имеет зернохранилища. Помещение церкви вполне можно использовать для этого. Берды не имеют хорошего культурного центра. В помещении, занимаемом церковью можно организовать и кинотеатр...»

Колокола переплавили, а что же стало с колоколь-

нями?

Члены малого президиума Оренбургского горсовета 16 мая 1932 года постановили: «Имея острую нужду в кирпиче, разрешить разобрать колокольню бывшей Троицкой церкви до уровня крыши и затем покрыть ее, одновременно поручить особо уполномоченному по строительству определить порядок использования белой жести, а Горкомхозу учесть количество кирпича и произвести расчет».

Под грифом «Сов.секретно» председатели райисполкомов Средне-Волжского края (куда входила и Оренбургская губерния) осенью 1933 года получили циркуляр: «В целях увеличения плана заготовок лома колокольной бронзы намечено частичное изъятие в IV квартале 1933 года лома колокольной бронзы.

Населенные пункты, из церквей которых будут изъять колокола, определите сами, при чем в первую очередь должны иметь ввиду церкви не функционирующие и церкви, находящиеся в городских местностях.

Проведению мероприятий по изъятию колоколов не должно придаваться характера проводимой какой-либо особой компании. В исключительных случаях, где это потребуется можете обсудить вопрос на собраниях, но только по инициативе общественности.

Особое внимание обратите на более лучшую организацию операций изъятия колоколов с технической стороны.

Снятие колоколов должно быть произведено в кратчайший срок, перевозка их должна быть обставлена таким образом, чтобы это не привлекало излишнего внимания окружающего населения. Снятые колокола должны быть доставлены к ближайшим железнодорожным станциям. При этом обяжите советы в пятидневный срок по окончании разверстки передать местным конторам треста «Металлом» наряды на получение колокольной бронзы с соответствующих точек,

Для проведения и организации всей работы выделите ответственного уполномоченного. Проведение работы согласуйте с Рай ОГПУ».

Затем следовала «Разверстка по изъятию колоколь-

ной бронзы на IV кв. 1933 года по Средне-Волжскому краю»:

Абдулинский -	1500 кг.
Андреевский (ныне Курманаевский) -	1000 кг.
Боклинский (ныне Бугурусланский) -	1000 кг.
Бугурусланский -	1000 кг.
Бузулукский -	3000 кг.
Илекский -	3000 кг.
Каширинский (ныне Октябрьский) -	5000 кг.
Кваркенский -	1000 кг.
Оренбургский -	1000 кг.
Орский -	2000 кг.
Покровский (ныне Новосергиевский)-	2000 кг.
Пономаревский -	1000 кг.
Соль-Илецкий -	1500 кг.
Сорочинский -	2000кг.
Шарлыкский -	1000 кг.

Всего по краю планировалось собрать колокола общим весом 119.000 килограммов.

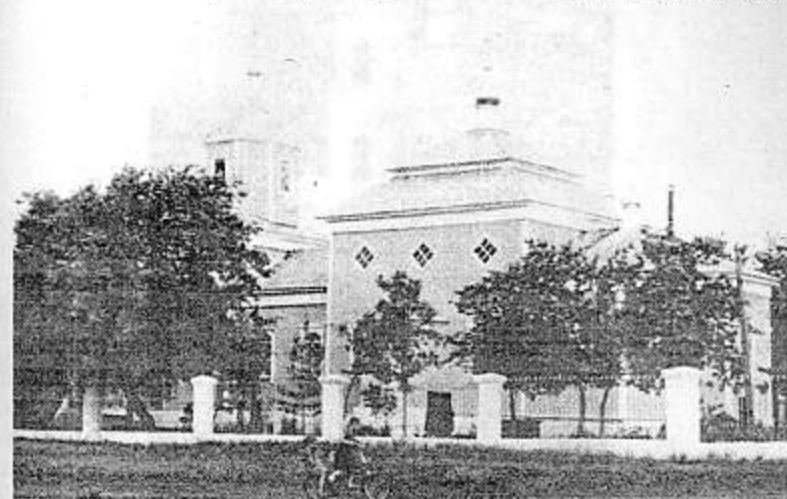
В облгосархиве сохранилась справка о сдаче колоколов -на исходе 1933 года представители Капитоновского сельсовета Покровского района привезли на станцию Платовка колокол весом в 500 килограммов. Покровский район сдал конторе треста «Металлом» колокольной бронзы „в счет наряда 4-го квартала года в количестве 2300 кг.»

Уже во время Великой Отечественной войны позиции церкви в СССР укрепились. Как и прежде, в трудное для себя время люди обратились к Богу. Никольская церковь в г. Оренбурге действует с июня 1944 года. В ходе поиска колоколов - 3 августа 1946 года Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР по Чкаловской области пишет директору завода «Автозапчасть»: «Прошу Вас выдать церковному Совету Никольского Кафедрального Собора г.Чкалова (с 1938 по 1957 так назывался г. Оренбург - Т.С.) имеющийся на Вашем заводе церковный колокол.»

В переданном на хранение в областной государственный архив фонде Уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР обнаружено

письмо председателю Чкаловского облисполкома от настоятеля Покровской церкви, который пишет: «В сентябре месяце минувшего 1957 года я лично был на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Ворошилова К.Е., с вручением ему письменно просьбы от церковно-приходского совета Покровской церкви села Верхней Платовки, по согласованности с Правлением колхоза Нестеровского сельсовета Новосергиевского района о разрешении продажи за наличный расчет церковного колокола весом в 15 пудов 14 фунтов, имеющегося в наличии Правления колхоза, который несколько лет на небольшой высоте висит на козлах при входе в колхозное Правление совершенно бездействующий, как мертвый инвентарь, вызывающий постоянное оскорбление чувств верующих в том, что церковный колокол находится в непредназначенном ему месте.» Но никто не помог - ведь еще с июля 1954 года действовало постановление ЦК КПСС с призывом усилить антирелигиозную пропаганду.

Оренбургский горисполком 11 марта 1969 года принял решение «Об ограничении колокольного звона в Никольском соборе г. Оренбурга»: «Учитывая просьбы тру-

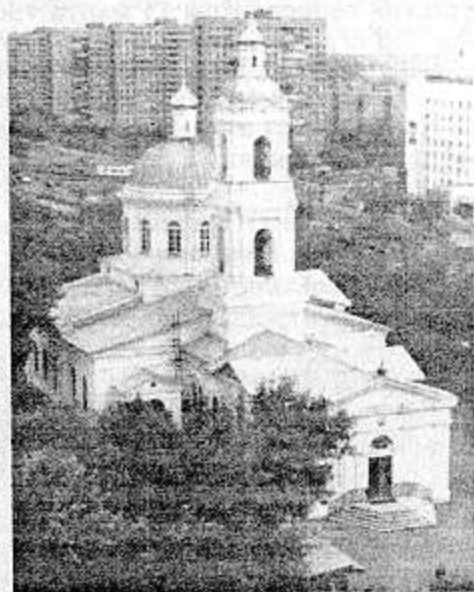

Храм Покрова Божией Матери.
с. Верхняя Платовка, Новосергиевский район

дящихся, заявления больных и коллективов областной и городской больницы Красного посада, и исполком горсовета решил: «Просить исполком областного Совета депутатов трудящихся ограничить колокольный звон в Никольском соборе г. Оренбурга».

На следующий день облисполком на своем заседании принимает подобное решение «Об ограничении колокольного звона Покровского молитвенного дома в рабочем поселке Акбулак»: «В связи с ходатайством граждан р. п. Акбулак исполком облсовета решил: Предложить православному религиозному обществу в р.п. Акбулак ограничить колокольный звон». Совет по делам религий при Совете Министров СССР согласился с предложением облсовета.

...Меняются времена и вновь звучат колокола церквей, да не постигнет их участь предшественников!

Кафедральный собор. г. Оренбург
Главный престол - в честь святителя Николая.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИЧЕСКИЕ КОЛОКОЛА	4
«НАЧАЛСЯ ПРИЗЫВНЫЙ ЗВОН...»	23
«БЛАГОВЕСТВУЙ, ЗЕМЛЕ, РАДОСТЬ...»	35
«ПРИ ДРУЖНОМ ЕДИНЕНИИ...»	42
«ГЛАСОМ БОЖЬИМ НАЗЫВАЕТ ЕГО НАРОД...»	53
«КОЛОКОЛА - В ФОНД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ...»	63

СЕРИЯ
ОРЕНБУРГСКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Вышли следующие книги:

АПОКРИФ НИКОЛАЯ II

ТАБЫНСКАЯ ИКОНА

Издательство

«ОРЕНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

ПР 070332

460014, г. Оренбург, ул. Правды, 10

тел./факс 77-23-53

E-mail: orennet@rambler.ru

E-mail: orennet@mail.orenburg.ru

Подписано в печать 04.01.2003

Тираж 1000 экз.